ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 24 (3053) Вторник, 24 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

Хороший день!

Минувшее воскресенье — 22 февраля — было особенно хорошим, радостным днем. Граждане семи союзных республик выбирали депутатов местных Советов. Праздничное настроение и подъем царили повсюду. Стоило выйти утром на освещенные февральским солнцем улицы любого города, чтобы заметить необычное оживление. Празднично одетые люди, целые семьи, отцы и матери с ребятишками на руках шли на избирательные участки. А в колхозной деревне на грузовиках и санях ехали избиратели из дальних бригад к центру колхоза, к светлому школьному дому, где разместился избирательный участок.

Выборы в местные Советы депутатов трудящихся прошли 22 февраля в обстановке исключительной активности и организованности избирателей. Телеграф сообщает: на многих участках сто процентов избирателей еще в утренние часы выполнили свой гражданский долг. К десяти часам утра в Сталинском избирательном округе Ленинграда проголосовали все избиратели; к двенадцати часам дня проголосовали все избиратели Сталинского избирательного округа столицы; к двум часам дня закончили голосование почти все избиратели Кишинева, а еще через час выполнили свой долг почти все избиратели Свердловска...

В такой исключительной организованности советских избирателей нет ничего удивительного — она стала традицией! Каждые выборы органов государственной власти в СССР превращаются в могучую демонстрацию морально-политического единства советского народа. Делами, помыслами, всей жизнью своей советские люди объединены вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, вокруг гениального зодчего коммунизма, отца и вождя народов товарища Сталина. Где бы ни голосовал советский человек — в Сталинском избирательном округе столицы или в занесенном снегом высокогорном селении Памира, — всюду, везде к великому Сталину обращал он свои мысли.

В поселке Комсомольском, где живут строители Куйбышевской гидроэлектростанции, в этом молодом поселке, которого еще не было два года назад, во время прошлых выборов в местные Советы, теперь образован новый избирательный округ № 152 по выборам в Куйбышевский областной Совет. Одним из первых получил избирательный бюллетень экскаваторщик Василий Клементьев, чья бригада вынула более миллиона кубометров грунта для укладки в перемычку шлюзов. Проголосовав, тов. Клементьев взволнованно произнес:

— В сегодняшний радостный день хочется сказать одно: спасибо родному Сталину за все, что он сделал для народа!

Так говорят миллионы.

У советских людей общие цели, единые интересы. Они сконцентрированы в одном — в строительстве коммунизма. Коммунисты и беспартийные дружно живут и славно трудятся в общем коллективе. В обстановке единства коммунистов и беспартийных не трудно договариваться о совместных кандидатах в депутаты — кандидатах Сталинского блока.

Народ, кровно заинтересованный в успехе выборов, в том, чтобы в местные органы власти попали действительно достойные доверия люди, сам организует у нас предвыборную кампанию, сам следит за ее успехом. Избиратели знают кандидатов в депутаты, верят им, встречаются с ними на предвыборных собраниях и совещаниях, высказывают им свои деловые предложения и критические замечания по работе Советов, а в день выборов трудящиеся отдают свои голоса кандидатам Сталинского блока коммунистов и беспартийных, зная, что они будут проводить в жизнь политику Коммунистической партии, для которой благо человека является первой и самой главной заботой.

Выборы у нас проводятся на основе самой демократической в мире Сталинской Конституции; наша избирательная система, в полной мере отражая существо советского строя, проникнута духом подлинно народного, социалистического демократизма.

Еще нет полных итогов голосования 22 февраля. Но и неполные сведения, полученные из разных уголков Советской страны, свидетельствуют о новом замечательном торжестве нашей демократии, о новой победе Сталинского блока коммунистов и беспартийных. Единодушно проголосовал народ за передовых людей труда и культуры, за верных сынов и дочерей великой Родины, пламенных патриотов Советского Союза. Он облек их большим доверием, поручив почетную строительную работу в Советах. Наши выборы стали новым триумфом Коммунистической партии и Советской власти.

...Совпало так, что в день 22 февраля, когда граждане семи союзных республик, входящих в СССР, выбирали местные Советы, проходили выборы и в Австрии. Австрийцы выбирали парламент и ландтаги земель — Штирии, Каринтии и Бургенланда. Печать сообщает, что выборы в этой маленькой стране, которая кичилась ранее своим «демократизмом», проходили в обстановке разнузданной клеветы, угроз и прямого террора против прогрессивных сил. Реакционные партии затратили на предвыборную агитацию много миллионов шиллингов, полученных ими от американских и австрийских монополистических объединений. На службу реакции и террора было поставлено все — банды наемных громил, елейные проповеди с амвона католических церквей, гнусный поток клеветы на страницах продажных газет. Так американцы, оккупировавшие значительную часть Австрийской республики, «делали» там выборы.

Таков еще один весьма наглядный пример того, как выглядит ныне в капиталистических странах буржуазная демократия!

«Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт».

Эти слова товарища Сталина, сказанные им на XIX съезде партии, с исчерпывающей силой характеризуют современное состояние буржуазной демократии. Пример Франции и Италии, где реакционные партии, выслуживаясь перед американскими захватчиками, из кожи лезут вон, чтобы урезать и без того куцые конституционные свободы; пример самих США, где конституция считается чуть ли не крамолой, а фашизация общественной жизни проводится все более открыто и свирепо, — эти примеры говорят о том, что на смену буржуазной демократии пришла открытая террористическая диктатура империалистов.

Два лагеря — две системы выборов! У нас и у наших друзей в странах народной демократии — свобода и дружба между народами, расцвет подлинной демократии. У «них» — разгул террора, коррупции, стремление задушить остатки былых свобод, грубо и цинично попрать права народа.

И тем дороже нам, советским людям, и нашим друзьям в лагере социализма то, что завоевано. Тем выше гордость за нашу великую страну, за наше государство, самое прочное в мире. Тем сильнее наше стремление, как зеницу ока, беречь и охранять нашу страну от всех и всяческих открытых и тайных происков врага. К бдительности зовет наш народ Коммунистическая партия.

Знаменательно, что вслед за днем выборов мы отмечали другой всенародный праздник — 35-летний юбилей Советской Армии и Военно-Морского Флота. У колыбели Красной Армии, в январе 1918 года, Ленин говорил: «...эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно-демократический строй от всех врагов народа...»

Так и было все 35 лет. Так есть и будет. Наша армия — наша любимица и защитница — плоть от плоти советского народа. И народ от души желает своим воинам хороших успехов в боевой и политической учебе. Народ знает, что Советская Армия находится в постоянной боевой готовности к тому, чтобы дать сокрушительный отпор любым агрессорам, если они посмеют сунуть свое свиное рыло в наш советский огород...

Выборы в местные Советы депутатов трудящихся вызвали новый подъем политической и трудовой активности советских людей. Еще теснее сплотился народ вокруг великого и непобедимого знамени партии Ленина—Сталина. Каждый у нас знает, что никогда не ошибется, если будет твердо поддерживать политику Коммунистической партии и бороться за ее проведение в жизнь, ибо у политики этой нет других интересов, кроме интересов народа. Сплоченный, могучий, великий советский народ идет по сталинскому компасу к новым успехам, к победе коммунизма.

В ОДНОМ ДОМЕ

Из дневника агитатора

Миллионы агитаторов, доверенных лиц, членов избирательных комиссий участвуют у нас в подготовке и проведении выборов в местные Советы депутатов трудящихся. Это им, миллионам активистов-общественников, доверяет партия нести в народ — в каждый дом, в каждую семью — горячее слово о великой правде нашей жизни. Перед нами обычный дневник одного из агитаторов — девушки-комсомолки, студентки 4-го курса художественно-графического факультета Московского пединститута имени Потемкина Валентины Барковой.

16 декабря Сегодня в «Правде» опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о выборах в местные Советы. Уже не впервые за три года, что я работаю агитатором, читаю в газете эти слова: «Назначить выборы», но всегда заставляют они меня задуматься над значением моей работы...

Вчера, просматривая свои старые, составленные еще на первом курсе, конспекты, увидела слова Ленина: «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой».

Как это верно сказано!

Известно, что партия превыше всего ставит интересы человека, что забота о благе народа лежит в основе всех законов нашей жизни. Вот и надо мне, агитатору, помочь людям отчетливее увидеть и глубже оценить живое проявление этой заботы и в большом и в малом — в снижении цен и в открытии нового магазина на нашей улице, в предстоящем всеобщем среднем обучении и в школьных успехах ребят из «моих» квартир, в цифрах пятилетнего плана и в производственных успехах инженера-строителя — одного из избирателей.

20 января Вот и кончилась сессия. Зачеты и экзамены тянулись почти целый месяц, и в квартиры избирателей удавалось мне заходить лишь изредка. Зато впереди — две свободные недели. Буду навещать их почаще.

Сегодня вечером была в первой квартире. Не успела открыть дверь, сразу вопрос: «Как сдала экзамены?». Заставили все подробно рассказать. Совсем, как дома...

Даже не верится, что еще три года назад не знала я ни Марию Федоровну Невскую, ни семью Скворцовых. Когда на втором курсе утвердили меня агитатором, в партбюро сказали: «Вот, Валя, поручаем тебе большое дело — будешь агитатором, адрес — улица Алексея Толстого, дом 25, квартиры 1, 5, 7, 8». И все. «А кто там живет?» — «Это уж ты сама поглядишь». Но и когда я узнала, что в пятой квартире живут два полковника, инженер-электрик, курьер и географ, что Дарья Николаевна Зотова — работник типографии, а Иван Васильевич Княгинин — дворник, что в моих квартирах восемь школьников и две студентки, — ничего это, честно говоря, не прибавило к представлению об избирателях.

В первый раз пошла к ним и, наверно, минут десять стояла перед дверью этой самой первой квартиры — боялась постучать. Думала: «Ну, как я к ним пойду, о чем буду разговаривать? Ведь там люди все солидные — вдвое, втрое старше меня, и станут ли они вообще меня слушать?» Помню, первое время: подготовлю беседу, проведу, а дальше говорить вроде и не о чем, попрощаюсь и уйду. А сейчас прихожу, как к родным. И полно тем для разговоров!

24 января Сегодня узнала, кто выдвинут кандидатом в депутаты. В районный Совет — опять Василий Степанович Серков, секретарь партийной организации нашего института. Василий Степанович — человек внимательный, отзывчивый. Приятно, что в областной Совет в нашем округе выдвинута Зинаида Николаевна Гагарина — член Всемирного Совета Мира.

30 января Сегодня в пятой квартире произошла интересная история. Узнала я, что дочка Скворцовых Наташа сидит дома, запертая на замок. Спрашиваю: «Почему?», — соседи говорят: «Плохо учится». Отперла я комнату, смотрю — сидит Наташа за столом, занимается.

— Ты почему не в школе?

— Я больна.

— А почему тебя закрыли одну?

Молчит...

— Ты что, плохо занимаешься?

— Да-а...

Слово за слово, достает Наташа дневник, и оказывается, что в первой четверти у нее было семь «двоек», а во второй — четыре. Объясняет Наташа все тем, что не успевает готовить уроки — целыми днями гуляет, тянет ее на улицу. Ну, вот и пришлось мне испробовать свой педагогический талант. Говорили мы с Наташей долго — и о том, что значит быть настоящим пионером, и как воспитывать в себе силу воли, и еще о том, что такое честное пионерское слово, которое она, кстати говоря, не раз давала и папе, и маме. Обещала я ей, если нужно будет, помочь в учебе.

31 января Проводила беседу о международном положении, а потом как-то сам собой начался разговор о строительстве, которое идет в Москве. Муж Марии Федоровны — инженер на строительстве Московского университета. Он рассказал столько замечательного об этом Дворце науки — о лабораториях, где у каждого студента будет свое рабочее место, о специально оборудованной обсерватории, об огромной — почти как Ленинская — библиотеке. Да, можно позавидовать дочке Николая Геннадиевича, Римме, которая собирается учиться в новом университете.

Мария Федоровна тоже не выдержала — выступила. «Вот, — говорит, — моя дочка хочет в Московский университет поступать и не видит в этом ничего особенного. А вот ее бабушка, моя мать, больше трех классов кончить не смогла. Да и я с трудом до шестого класса дотянула. Отец был наборщиком, в 1905 году погиб на баррикадах, нас детей было много, — где уж тут об образовании думать...».

Вспомнила и я: а моя мама — разве ей лучше жилось? Семья столяра, заработки грошовые — и пришлось маме чужих детей нянчить, полы у богатых мыть, а не книги читать. А вот я институт кончаю. Десятки часов в Третьяковской галерее каждый месяц провожу. Слушаю лекции о Репине и Рафаэле, занимаюсь греблей, ни одной художественной выставки не пропускаю...

Судьба Риммы Невской, Нины Мочаловой (она заканчивает филологический факультет университета), да и моя — вот это и есть наш советский образ жизни, за который сорок лет назад погиб на баррикадах отец Марии Федоровны.

Вот так и получилось, что ушла наша беседа от темы. Не уверена, что я права, но, пожалуй, ничего плохого в этом нет. Самое главное, по-моему, — это расшевелить людей, заставить их еще раз оглянуться вокруг себя, задуматься, сравнить, оценить...

Вызвать человека на откровенность, поговорить друг с другом «живыми» словами, обменяться непринужденно мнениями — это самое интересное и полезное в нашей агитационной работе дело.

4 февраля Ходила к нашему кандидату и депутату райсовета В. С. Серкову — насчет жилплощади для Зотовых. Дарья Николаевна Зотова вместе с сыном живет в маленькой темной комнатушке. На днях приезжает другой сын. А в этом же доме недавно освободилась большая комната со всеми удобствами на третьем этаже. Василий Степанович обещал непременно поговорить об этом с председателем райисполкома тов. Желтухиным.

10 февраля Была у Зотовых. Дарья Николаевна очень благодарила меня за участие. Хотела ей ответить да побоялась, нескромно получится: по-моему, любой агитатор отнесся бы к этому делу так же. Настоящий агитатор должен агитировать не только словом, но и делом.

Очень тепло говорила Дарья Николаевна о Серкове: «Он — настоящий депутат, хороший, отзывчивый человек, за которого я с радостью отдам голос и в эти выборы».

Невольно напрашиваются сравнения. В капиталистической стране кандидат до выборов и депутат после выборов — это два разных человека. До выборов обещают «золотые горы», а после — забывают о существовании своих недавних избирателей. Да и вообще, можно ли назвать их выборы выборами? Это подкуп, купля и продажа голосов, мошенничество, взятки.

У нас совсем не так. Наш депутат — кандидат и избранник всего народа. За такого кандидата до выборов легко агитировать, а после выборов за него не придется краснеть.

13 февраля Сегодня попала к своим прямо после лыжной тренировки. Накатались на славу — солнце, мороз сильный, щеки щиплет, а на лыжах жарко... Елки в Сокольниках стоят пушистые от снега, палкой по ветке ударишь — над головой метель. Хорошо!

А где-то я буду в это время через год? Скоро распределение. Все время почему-то сегодня думаю об этом. Вот и вечером долго говорили о моем будущем с Марией Федоровной. Мария Федоровна с мужем очень много путешествовала, ведь Николай Геннадиевич — строитель. Побывали они и на Крайнем Севере, жили в Сибири, объехали весь Дальний Восток. С какими замечательными людьми они встречались, сколько повидали!

«Если любишь свой труд, — говорит Мария Федоровна, — жизнь везде хороша и интересна». Да, после ее рассказов с ней трудно не согласиться...

14 февраля Разнесла сегодня пригласительные билеты на встречу с В. С. Серковым. Заодно объявила об экскурсии в Третьяковскую галерею на выставку 1952 года.

16 февраля Экскурсия сорвалась — никто из моих вчера в Третьяковскую галерею не ходил. Говорят, хотели пойти, да в воскресенье ведь у каждого нашлись домашние дела... Это, конечно, правильно, но все-таки организатор я, видимо, никудышный.

Правда, некоторые уже побывали на выставке 1952 года. Мочалова сегодня с таким жаром говорили о картине Подлясского «Клевер убирают», а Римма доказывала, что сильнее всего полотна Бродской... Я даже про себя удивилась — до чего же мои избиратели интересуются искусством! Решили мы, что после выборов сходим в Третьяковскую галерею все вместе.

17 февраля До выборов осталось пять дней. На улицах — плакаты, портреты кандидатов. Наши «оформители» заняты по горло — идут последние приготовления избирательного пункта к встрече избирателей. Настроение такое, как бывает перед праздником — радуешься и одновременно немного волнуешься...

Сегодня по плану агитпункта проводила доклад на тему «Выборы в Советском Союзе являются самыми демократическими выборами в мире». А на самом деле никакого доклада и не было. Был просто хороший душевный разговор! Мария Федоровна вспомнила, как давно еще, в первые выборы в 1937 году, видела она на Севере — женщины, которые проголосовали, выходили со слезами на глазах. Это волнение всем понятно — и радость, и чувство гражданской ответственности, и гордость за свой народ, за кандидатов.

Больше всего мы говорили сегодня о Зинаиде Николаевне Гагариной. Мария Федоровна так сказала: «Она ведь не только государственный деятель, член Всемирного Совета Мира, она — мать, которая потеряла на войне сына. Не знакома я с Зинаидой Николаевной, но знаю, о чем она думает: чтобы ни одной советской матери не пришлось пережить того, что пережила она. Вместе со мной Зинаида Николаевна думает о будущем и моей дочери. Так как же за такого кандидата не отдать нам, матерям, свои голоса!»

А полковник запаса В. В. Мочалов даже знает Зинаиду Николаевну по работе. Говорит, что она удивительно скромный, мягкий, но вместе с тем принципиальный, требовательный к себе и к товарищам человек.

19 февраля Сегодня вернулась из Наро-Фоминского района Тамара Яковлева из нашей группы. Она читала колхозникам лекции о творчестве Сурикова. До чего же радушно ее встретили!

Приехала она на станцию Рассудово вечером. Темно, вокруг вокзала густой лес. Страшновато, но надо итти. Подошла, говорит, к какой-то девушке, спрашивает, как пройти в колхоз имени Кагановича, а та вдруг: «Так это вы будете товарищ лектор? А мы вас ждем с подводой». Привезли ее в колхоз. Народу набилось так много, что даже сидеть не всем пришлось. Слушали, затаив дыхание. А после лекции, конечно, вопросы. И, главное, каждый с тобой поговорить стремится: колхозники — о порядке голосования, ребята — о лыжном кроссе, учительница географии — о наглядных пособиях. Разошлись поздно ночью.

Кажется, я начинаю жалеть, что сама не поехала в Наро-Фоминский район. Там, пожалуй, даже интереснее, чем у нас на участке.

20 февраля Отнесла избирателям пригласительные открытки на 22 февраля: «Призываем Вас принять участие в выборах и отдать свой голос за кандидатов блока коммунистов и беспартийных». Послезавтра — выборы. Кончается ли на этом моя дружба с Невскими, Зотовыми, Мочаловыми, Скворцовыми? Вроде, выборная кампания кончилась? Вообще-то я знаю среди наших таких агитаторов, которые до выборов бывают у избирателей чуть ли не каждый день, а потом забывают дорогу в этот дом.

Я так не могу. Ведь ты нужен людям независимо от выборов, да и они нужны тебе. А потом — сколько дел незаконченных: надо добиться, чтобы Наташа перешла в седьмой класс, чтобы Зотовы переехали в новую квартиру. А в Третьяковку ведь собирались все вместе...

Прочла я у Ленина слова, что агитатору «полезно принимать во внимание кроме «политической» и «педагогическую» точку зрения...» Сколько раз за эти три года хотелось стать педагогом — научиться терпеливо разъяснять, убеждать и даже воспитывать. И я училась работать с людьми, а ведь это так важно для учителя. Теперь уж, думаю, я не растеряюсь даже в трудном классе, смогу найти общий язык и с ребятами и с родителями.

Много я за это время узнала различных человеческих характеров, много людей повидала в домашней обстановке, а главное — поглубже узнала жизнь, поняла, как много значит оказанная во-время помощь или даже во-время сказанное теплое слово.

Я встречалась с людьми различных профессий и национальностей. И убедилась, что все эти люди думают об одном — о мирном, светлом нашем будущем. Увидела я, как они трудятся, как отдыхают, учатся, как воспитывают детей, и знаю теперь, какой полной, интересной жизнью они живут.

Пришлось мне встречаться не только с избирателями, а и с депутатами. У этих людей мы, молодые, могли бы поучиться выполнять свой долг — служить интересам народа.

С рассказа об этих людях мне хотелось бы начать свой первый самостоятельный урок в школе.

22 февраля Избиратели из «моих» квартир проголосовали к 10 часам утра. Приехала на участок, агитаторы окружили: «Твои закончили первыми». Пошла по квартирам — поздравить с праздником. Кончилась избирательная кампания. Замечательная школа для агитатора!

Валентина БАРКОВА

Слава родную армию

Зимнее московское небо озарилось вчера яркими вспышками ракет. Гулко прокатился первый залп торжественного салюта в ознаменование 35-й годовщины Советской Армии и Военно-Морского Флота. Все советские люди — от мала до велика — с чувством великого уважения, любви и благодарности славили 23 февраля нашу героическую армию и доблестный флот — родное детище и гордость народа. Эту дату отмечали и за рубежами нашей страны миллионы людей, обязанных советским воинам освобождением от фашистского рабства.

21 февраля в Москве, в празднично убранном Центральном театре Советской Армии состоялось торжественное заседание Военного Министерства СССР совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, посвященное знаменательной годовщине. Заседание открыл Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский. С докладом о 35-й годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота выступил Военный Министр Союза ССР Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

В этот же вечер в Колонном зале Дома союзов собрались на торжественное заседание военные моряки — офицеры, генералы и адмиралы, представители общественности столицы. Заседание открыл Военно-Морской Министр СССР вице-адмирал Н. Г. Кузнецов. Доклад сделал вице-адмирал Н. И. Виноградов.

С огромным воодушевлением участники торжественных заседаний приняли приветствия гениальному полководцу, творцу и организатору исторических побед Советской Армии и Флота товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину.

Торжественные заседания и собрания трудящихся, доклады и беседы, встречи с воинами, с бывшими фронтовиками, массовые гуляния, спортивные состязания состоялись в эти дни в городах и селах страны. В театрах и кино шли спектакли и фильмы, отражающие борьбу советского народа с врагами нашей Родины, интервентами. Многолюдно было в военных музеях.

Празднование 35-летия Советской Армии и Военно-Морского Флота вылилось в яркую демонстрацию любви советского народа к своей Армии и Флоту.

Совещание молодых писателей

ЛЬВОВ. (Наш корр.). Около ста молодых прозаиков, поэтов, драматургов и критиков Львовской, Тернопольской, Дрогобычской, Станиславской, Черновицкой, Ровенской, Волынской, Закарпатской и Измаильской областей приняли участие в трехдневном совещании, происходившем во Львове.

Основная работа совещания происходила в секциях прозы, поэзии и драматургии, а также на пленарных заседаниях, посвященных обсуждению новых произведений молодых литераторов западных областей Украины.

Совещание отметило неудовлетворительную работу кабинета молодого автора ССП Украины, а также редакции журнала «Жовтень», который слишком редко печатает произведения молодых литераторов, не обеспечивает их квалифицированной помощью.

Участники совещания возложили венки на могилы И. Франко, Я. Галана, С. Тудора и А. Гаврилюка.

КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ КНИГУ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Министерство просвещения РСФСР, в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР, проводит в 1953—1954 гг. конкурс на лучшую научно-художественную и научно-популярную книгу для детей. Целью конкурса является создание произведений для внеклассного чтения школьников по физике, химии, математике, технике, биологии, сельскохозяйственным наукам, языкознанию, истории, географии и другим вопросам с учетом школьных программ и задач политехнического обучения, а также создание познавательных книг для детей дошкольного возраста.

К участию в конкурсе привлекаются деятели науки, техники, искусства, писатели, педагоги, работники промышленности, сельского хозяйства, транспорта и других областей народного хозяйства и культуры.

Образовано жюри конкурса под председательством министра просвещения РСФСР И. А. Каирова. В состав жюри вошли ученые, общественные деятели, писатели, педагоги.

Установлено 25 премий от 15.000 до 5.000 рублей, присуждаемых ежегодно, и поощрительные вознаграждения.

Организационная работа по проведению конкурса возложена на Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР (Детгиз).

Срок представления произведений на первый тур конкурса в редакцию конкурса при Детгизе — до 31 декабря 1953 года.

В МУЗЕЕ ПЕТРАСА ЦВИРКА

КАУНАС. В небольшой подвальной комнате дома № 9 по улице Донелайчио в 1934—1935 гг. жил выдающийся литовский писатель Петрас Цвирка. Здесь он создал самые крупные свои произведения — романы «Франк Крук» и «Земля-кормилица». В этом доме теперь мемориальный музей, отображающий жизненный путь пламенного борца за счастье литовского народа.

За последнее время музей пополнился новыми экспонатами. Большой интерес представляет сборник стихотворений П. Цвирка «Первая месса», изданный в 1928 году. Сборник был конфискован цензурой, но друзья писателя сумели сберечь несколько экземпляров.

В первом издании романа «Земля-кормилица» двадцать первая глава была изъята цензурой. Сейчас музей приобрел рукопись этой главы. Приобретены также многие другие рукописи писателя и его личные вещи. Внимание посетителей привлекает большая карта Советского Союза, на которую нанесены маршруты всех путешествий П. Цвирка по СССР.

Пополнились экспозиции, рассказывающие об изданиях произведений Цвирка в СССР и за рубежом. Рядом с изданными на русском языке книгами писателя представлены его произведения, вышедшие на украинском, белорусском, латышском, армянском, узбекском и других языках народов СССР, а также на польском, румынском, чешском, венгерском и других языках.

ЮБИЛЕЙ И. А. НАЗАРОВА

ВЛАДИМИР. (Наш корр.). Общественность области отметила 75-летие со дня рождения и 55-летие литературной и общественной деятельности старейшего поэта Ивана Абрамовича Назарова. Выходец из рабочей среды, талантливый поэт-самоучка, И. А. Назаров начал свой творческий путь еще в дореволюционное время. За прошедшие годы поэт создал много песен и стихов, получивших широкое распространение. Им также написаны литературно-библиографический словарь, положительно оцененный А. М. Горьким, и интересные мемуары.

В областной библиотеке имени М. Горького состоялся литературный вечер, на котором присутствовал И. А. Назаров, приехавший из Суздаля, где он постоянно живет. На вечере с приветствиями выступили представители партийных и советских организаций, деятели литературы и искусства. Юбиляр был награжден почетной грамотой Владимирского областного Совета депутатов трудящихся.

В заключение вечера выступил И. А. Назаров, который рассказал о своем творческом пути и прочел несколько стихотворений.

Сочинения А. С. Пушкина на казахском языке

АЛМА-АТА. (Наш корр.). Казахскому народу издавна известно творчество А. С. Пушкина. Первые переводы его отдельных произведений на казахский язык сделал, как известно, основоположник казахской литературы Абай.

В советское время вышли на казахском языке «Дубровский», «Капитанская дочка», «Руслан и Людмила», «Цыганы», «Скупой рыцарь», сказки и отдельные стихотворения.

Ныне Союзом советских писателей Казахстана и Казгослитиздатом предпринято издание сочинений А. С. Пушкина в четырех томах (два тома выйдут в текущем году). В первом из них собраны стихотворения, во втором — поэмы и «Евгений Онегин». В будущем году выйдут остальные два тома, содержащие избранную прозу и сказки.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✲ **Музыка на сельской сцене.** Около двух тысяч музыкальных кружков работает в селах и районах Харьковской области. В Красноградском районном Доме культуры с успехом идет опера «Запорожец за Дунаем», в Лозовском — «Наталка-Полтавка».

✲ **Новые специальности.** На общем собрании колхозников рыболовецкой артели «Первое мая» Охотского района, Нижне-Амурской области, утверждены новые должности: начальника электростанции, машиниста локомобиля, линейного электромонтера, радиотехника и др.

✲ **Миллион книг.** Издательство Мордовской АССР выпустило в прошлом году книги 180 названий тиражом почти в миллион экземпляров. Среди них — сборник стихов мордовских поэтов «В борьбе за мир» и новые сказы Феклы Беззубовой.

✲ **Постоянная художественная выставка.** В Днепропетровске открыт салон Художественного фонда СССР, где экспонируются произведения живописи, скульптуры и графики местных авторов, копий с картин известных художников. Это первая в городе постоянная художественная выставка.

✲ **Открыт Дворец культуры.** Открыт Дворец культуры Челябинского ферросплавного завода. В нем зрительный зал на 500 мест, кинозал на 200 мест, фойе, библиотека, кабинет техники, комнаты для кружковых занятий.

✲ **Отчет библиотекаря.** На заседании Рижского облисполкома с отчетом выступила библиотекарь Рубенькалнского сельсовета Рижского района тов. Гибзе. Сейчас в области библиотеки открыты при всех сельсоветах, а также в 549 колхозах.

✲ **Лекции для родителей.** В Казахстане насчитывается более 500 родительских лекториев, в которых читаются лекции на педагогические темы. В Петропавловске, Актюбинске, Семипалатинске и других городах созданы родительские университеты.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Орест МАЛЬЦЕВ

СНОВА СРЕДИ СВОИХ...

Мы печатаем отрывок из книги «На Балканах», являющейся продолжением романа «Югославская трагедия». В новом романе О. Мальцев рассказывает о подвиге Советской Армии, освободившей Югославию, и о событиях, происшедших в странах Восточной и Юго-Восточной Европы после окончания войны.

...Джамиля я никогда не забывал. В самые трудные моменты, пережитые за год борьбы в рядах югославских партизан, меня поддерживали слова парторга, сказанные мне в важнейший день моей жизни, когда я готовился перейти Днепр коммунистом: «Путь наш еще долог, тебя должно хватить на многое, на далекое...»

Я не чувствовал себя одиноким в чужой стране. Со мною был побратим Иован. Со мною были Джуро и Васко, Айша и Ружица, Янков и Вучетин, славные боевые друзья-шумадийцы, с которыми меня связывали крепкие узы фронтового братства. Но мысли о Родине, о своих однополчанах из нашей стрелковой — скромной «верблюжьей» «проселочной» дивизии не покидали меня. И вот случилось чудо. Джамиль стоял передо мной, а из-за его плеча улыбался старший лейтенант Алиев — мой комбат. Значит, и весь полк тут! Значит, он идет за той передовой частью, которую в Шишенцах встречали вчера, двадцать восьмого сентября, в то самое утро, которое так плохо началось для меня и Васко.

...На заре мы вместе с Пантерой отправились в Царь-Петрову. Я не мог вполне довериться Пантере и его спутнику, неожиданно явившимся в дом Цоко Железкова с приказом от Куштриновича. Мне предписывалось срочно итти в Царь-Петрово для связи с командованием русской части. Но ведь я уже имел задание от комбрига Перучицы. Почему же я должен итти непременно в Царь-Петрово? Это можно было объяснить только срочностью задания — мы, действительно, выгадывали несколько часов времени. Если бы не это единственное логическое соображение, я бы, пожалуй, не покинул Шишенцы. Но приказ был подписан командиром Шумадийского батальона и скреплен печатью. Я подчинился ему, однако был начеку и не сводил глаз с Пантеры. Второго партизана я вообще не знал. Он очень напоминал собой одного из тех рослых, облаченных в шубы конников, которые приезжали с Громбацем под Синь и расстреляли двух славных черногорцев. Я и на него посматривал настороженно. Он и Пантера шли рядом, впереди нас, и очень торопились.

Только Васко шагал беспечно, напевая что-то под нос и поглядывая вдаль: не идут ли уже советские войники? Он вынул из торбицы завернутые в мокрую тряпку лиловые цветы рамондии, найденные им на склоне горы Златар. Цветы завяли, но серебристо-зеленые листья были еще свежи. Васко хотел вручить букет главному русскому командиру. Он, пожалуй, пронес бы его и до самой Москвы, до площади с голубыми елями, где тепло горят по ночам красные звезды, и отдал бы цветы человеку в шинели, человеку с добрыми лучистыми глазами и седыми усами, о котором с такой любовью он всегда меня расспрашивал. Да, конечно, у него хватило бы сил и терпенья, настойчивости и храбрости, чтобы даже пешком дойти до цели своих мечтаний, пройти путь трудный и опасный, и не испугал бы его никакой Аждая проклятый, чудище о трех головах, подстерегающий людей на пути к счастью. Аждая из сказки... Иногда мне думалось, что у этого Аждая, которым бабушка пугала в детстве Васко, есть на югославской земле родные братья, и нам их следует остерегаться...

Дорога тянулась через лес, по краю глубокого оврага. Пантера, шедший все время быстро, вдруг замедлил шаги, достал сигареты и обратился к своему напарнику:

— Джока, есть спички?

Тот принялся на ходу зажигать их, но спички гасли от ветра. Тогда Джока остановился, прислонившись к дубу, чиркнул спичкой и заслонил огонек ладонями.

— Идите, мы вас догоним, — бросил нам Пантера, тоже останавливаясь, чтобы прикурить.

Сделав несколько шагов, я инстинктивно почувствовал опасность и резко обернулся. Я увидел направленное на меня дуло пистолета и в тот же миг услышал выстрел. Но еще прежде, чем боль обожгла плечо, я крикнул:

— Васко, беги! — и тотчас же упал; притворившись тяжело раненным, покатился в овраг.

До слуха донесся еще выстрел, а потом на дороге раздалось цоканье лошадиных копыт, чьи-то громкие голоса. Это было последнее, что восприняло мое сознание. Я сильно ушибся головой о камень на дне оврага, и когда очнулся, то оказалось, что лежу, свесившись головой над пересохшим ручьем, упираясь плечом в валун. Этот валун, к которому была прижата рана, предохранил меня от большой потери крови. С трудом перевернулся на спину. Тревога за жизнь Васко охватила меня. Я попытался выбраться из оврага обратно, но он был слишком крут, и я не смог доползти до верха. Из плеча текла кровь. Прижимая рану ладонью, с трудом поднялся по более пологому склону на другую сторону оврага. Передохнув, побрел через чащу. Не знаю, сколько времени шел, — вероятно, долго. Наконец, отыскал какую-то дорогу и здесь без сил свалился. Подобрал меня болгарин из Царь-Петрова, приехавший в лес за дровами. Я попросил его довезти меня до Шишенцев, к Цоко Железкову.

Нетка расплакалась от радости. Она и дедушка были уверены, что я погиб. По селу распространился слух, что это — дело рук местных фашистов. Старика Цоко даже таскали в общинное управление, обвиняли, грозили. Но он оправдался. Ведь Васко, вернувшийся утром в село с русской конной разведкой, рассказал, что бандиты пришли из Югославии, одного из них он знал. Васко спасся благодаря внезапному появлению на лесной дороге русских разведчиков. Тяжесть сползла с моего сердца — Васко жив! Наши пришли! Но мысли одолевали меня невеселые. Кто поручил Пантере стрелять в нас? И нет ли здесь связи с убийством Вучетина? Или с тем, что произошло со мной под Коницей, когда кто-то неудачно стрелял в меня около туннеля. Поскорее бы увидеть Милетича и Перучицу, а главное, своих, советских воинов — многое тогда разъяснилось бы...

Нетка трогательно ухаживала за мной. Привела доктора, делала перевязки. А Цоко Железков рассказывал о первых русских солдатах, прошедших маршем через село, и глаза его щурились, а длинный нос, похожий на стручок перца, смешно морщился...

На следующий вечер Цоко привел ко мне Алиева и Джамиля... Наступило то, о чем я мечтал целый год и чего никогда не забуду...

...Это была ночь, в которой не существовало времени. Алиев ушел, а мы с Джамилем все говорили и говорили, смотрели друг на друга, смеялись и снова говорили.

Джамиль, мой дорогой друг! Душа, сердце роты. Всегда бодрый, подтянутый, и в самом тяжелом бою, на самом трудном походе он умеет поднять дух солдат, помочь, если надо, словом, если надо, — делом... Наш парторг! Сколько бойцов обязаны ему тем, что стали настоящими коммунистами!

— Ты подумай только — Югославия рядом! — искрящиеся глаза Джамиля посветлели. — Какой путь мы прошли! А помнишь, Николай, стихи Суркова?

Еще бы! Мне не помнить эти стихи! И я тихо начал наизусть:

От Вислы к Придонью, от Волги до Савы и Дравы
Коврами цветов мы покроем над кровью луга...

А Джамиль задумчиво закончил:

Могилы славян вознесутся курганами славы,
И пахаря плуг разравняет могилы врага...

— Если б ты знал, Джамиль, как нас ждут там, на Саве и Драве, — сказал я.

И мы опять вспоминали пройденное и пережитое...

Утром ко мне приходили офицеры из штадива и политотдела, расспрашивали обо всем. Я не утаил ничего. Ни сомнений в отношении того, что пришлось наблюдать в Первом пролетарском корпусе, ни своих мыслей о Куштриновиче и Катниче, ни о случае на лесной дороге... Офицеры знали меня еще с Кавказа, они доверяли мне, но осторожно намекнули, что нервы мои, наверное, малость расшатались и я, возможно, склонен к некоторым преувеличениям. Я и сам заколебался: может быть и верно — конечно, я столкнулся с такими негодяями, как Катнич или Пантера, но ведь немало я видел в югославской армии и замечательных патриотов!

Командование разрешило мне остаться в полку и до выздоровления находиться в санчасти. Я чувствовал, что моя служба в Красной Армии начинается как бы сначала.

...Провожая меня в новый путь, Нетка долго шла рядом с санитарной бричкой, громыхавшей в хвосте батальона.

— Значит, ты взберешься теперь на Мус-Алла? — спросил я девушку.

— Взберусь. И вырублю на скале имя — Сталин.

— И поедешь учиться в Москву? С Васко?

— Поедем, может быть, — тихо сказала Нетка, вся вспыхнув.

Я крепко пожал ее маленькую сильную руку.

— Прощай, Нетка, мы уже больше не увидимся. Но я верю, что твои с Васко мечты осуществятся. Широкий, свободный путь открывается перед вами обоими...

Нетка махала мне платком, стоя на голом песчаном бугре у дороги.

Полк продолжал свой путь, и я двигался вместе с ним!

С повозки мне хорошо была видна вся колонна. Во главе ее, впереди отряда пеших разведчиков, ехал майор Ткаченко. За разведчиками тарахтели повозки комендантского взвода. Тут же, на головной тачанке, сидели знаменосцы. Один из них держал одетое в чехол знамя. Это знамя Президиума Верховного Совета Азербайджана товарищ Багиров вручил полку еще под Георгиевском, и полк с честью пронес его через все рубежи. На передках немецких противотанковых пушек ехали связисты, а на молдаванских ярко раскрашенных каруцах — автоматчики. За автоматчиками шли роты. За пехотой — артиллерия. Гладкие, лоснящиеся от пота лошади тянули пушки. Шагали саперы. И в конце двигался обоз: отечественные повозки-вездеходы с прочно ошинованными колесами, каруцы на высоких колесах с тонкими спицами и немецкие громоздкие фуры, крытые клеенкой или парусиной, меченные различными эмблемами. Каждая эмблема — условный знак гитлеровской части, разбитой полком, вехи его похода: червонный туз и скачущий олень — это Северный Кавказ, белый медведь, вставший на задние лапы, — это Донец, парусная лодка и крест в круге, бабочка, секира, гриб, четырехлистник — это Украина, Днепр...

Замыкали колонну два буро-желтых двугорбых верблюда. Неторопливо и мягко ступая мохнатыми ногами, они от самого Баку степенно и гордо тянули голубой фанерный фургончик хозяйственной части полка.

Уже было заполдень. Ветер утих. Едкосухая горячая пыль почти неподвижно висела в потеплевшем воздухе. Туман сползал с холмов, таял, и клочья его рассеивались по долине, смешиваясь с пыльной сухой мглой, замутившей солнце и синее небо. Трудно итти солдатам. Пот и пыль покрыли лица серо-черными грязными подтеками. На спинах сквозь потемневшие от пота гимнастерки выступала соль. Ружейный ремень и вещевой мешок оттягивали плечи, будто пудовые гири. Во рту — хоть кирпичи обжигай. Сапоги стали чугунными. Так и хочется ухватиться за борт повозки. Но кони сами едва плелись, жадно протягивая морды к кукурузе и жуя на ходу ее сухие острые листья. Ни капли тени. Ни рощицы, ни свежей травинки, которая обещала бы влагу. Лишь дикая груша одиноко поднимала над серожелтой зыбью поля свою темнозеленую крону. К ней тотчас же устремились два солдата — один высокий и смуглый, другой маленький и ловкий, в новеньких сержантских погонах. Я сразу их узнал — Гасан Алибейли и Наточий! Самые неутомимые! Они принесли мне мелкие сморщенные кислицы, чтобы я мог утолить жажду.

Велико счастье человека, который после долгих странствий возвращается в родную семью. Да, это была моя семья!

Наш «отец» — вон тот седоусый комвзвода, старший сержант Новиков, умница и большой души человек. У него чуть горбилась спина, плечи опустились, но шагал он, как всегда, упрямо и ровно. Вот к нему подскакал Алиев и, осадив коня, крикнул:

— Новиков, поздравляю!

— С чем, товарищ комбат?

— Вам приказом присвоено звание младшего лейтенанта. За боевые заслуги. Еще раз от души поздравляю.

— Служу Советскому Союзу!

Алиев нагнулся и крепко пожал руку Новикова.

Настроение сразу изменилось. Солдаты приободрились, заулыбались, стали шутить. Радовались за своего командира, словно наградили весь взвод. Да, собственно, так оно и было!

— Ничего, — смущенно заговорил Новиков. — У нас так — ногам бы лишь поразмяться, а там — только держитесь, подметки! Разойдемся, и горя мало!

Много лет этим прибауткам. Федот Демьянович их слышал, наверное, еще в годы первой мировой войны, когда рядовым солдатом шагал за Прут и Дунай. Теперь, спустя почти треть столетия, он пересказывал их новому поколению. Ныне он — офицер армии Сталина, старший друг и учитель своих солдат, человек одной с ними трудовой плоти и крови.

Мне пришел на память давнишний рассказ Новикова о трембите, который он слышал в этих местах в свой первый поход.

В незапамятные времена нашел один пастух в Карпатских горах березу, расщепленную ударом молнии. Из коры этой березы он смастерил трехметровую дудку. Чудесные песни играл на ней пастух. Но вот беда: голос трембиты был тихий, громко петь она не могла. Перед смертью старый пастух завещал дудку своему внуку. Тот выучился на ней играть еще лучше и красивее, чем дед, но пела она попрежнему едва слышно. Пастушонок, ставший уже взрослым парнем, встретил и полюбил красавицу-девушку. Предсказали девушке в детстве, что полюбит она парня, который умеет играть замечательные песни на трембите, сделанной из коры березы, отмеченной молнией. Но эта трембита не простая. Много лет она будет играть тихо-тихо, так что слышать ее будут лишь два любящих сердца. Но придет время, чудо-трембита вдруг запоет в полный голос, услышат ее по всем Карпатам и Балканам, среди самых высоких гор, в ущельях и долинах, в городах и селах. Это произойдет, когда придут братья из России, чтобы освободить народ от турок. И потом опять трембита станет петь тихо, так, что будут слышать ее лишь два любящих сердца. И много-много еще лет пройдет, пока вещая трембита снова начнет свою ликующую песнь. И уже никогда не замолкнет. Это будет, когда придут такие русские солдаты, которые принесут счастье вечное, счастье прочное...

Вечерело. Мутные тучи сползали с гор слева и сгущали сумерки. Издалека донесся раскат грома. Начал накрапывать дождь. Дорога, пересекавшая яры и глубокие балки, укрытые желтеющей зеленью кустарников, превращалась в скользкое глинистое месиво. Но светлым и радостным казался мне весь этот то жаркий, солнечный, то слякотный и сумрачный день!

К моей бричке подошла Сакинэ. В руках она держала пилотку, полную спелых грецких орехов.

— Покушайте, товарищ лейтенант. Очень вкусные. Не унывайте. Скоро разрешу вам ходить.

Сержант медслужбы была все такой же, какой я увидел ее впервые в Баку. Хрупкая, тонкая. В ушах ее попрежнему поблескивали золотые тяжелые серьги с красными камешками. Но в ее больших темных глазах, кажется, стало больше смелости и уверенности в себе, а золотисто-рыжие косы ее потемнели: наверное, давно уж не подкрашивала их хной. Сколько тысяч километров прошла она от Баку в своей солдатской юбке хаки до колен и в маленьких сапожках!

Как хорошо, думал я, что многие бойцы из моей роты все-таки дошли до Балкан, и какое это несказанное счастье для меня, что я с ними встретился. Встретился именно здесь, на рубеже Югославии. Скоро я познакомлю их с моими югославскими друзьями. Вот это будет встреча, так встреча!

— Привет, Загорянов! Как себя чувствуешь? Наши разведчики уже смотрят на Югославию.

Я сполз с брички и пошел рядом с Алиевым. Плечо ныло. Но рана была хорошо перевязана.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться к командиру полка.

— Твое желание очень кстати, — улыбнулся Алиев. — Майор прислал за тобой ординарца с лошадью. Садись, если сможешь.

Я взобрался на коня, пересилив боль в плече.

Штаб полка остановился в селе Велики Ясиновец, расположенном на склоне отрогов Западных Балкан. Майор Ткачев встретил меня у крыльца каменного дома.

— Я все знаю, товарищ Загорянов, от офицеров штаба, — сказал он, усадив меня за стол, на котором лежала карта восточных районов Сербии. — Все знаю, все понимаю...

Теплое чувство светилось в строгих глазах командира полка. Мне стало легче. Теперь главное — оправдать доверие, искупить позор плена.

— Ты знаешь сербский язык?

— Да.

— А дорогу в район Салаша и Бора?

— Я шел по ней.

— Хорошо. Останешься при мне переводчиком.

— Спасибо, товарищ майор. Но... Со мной был еще мальчик-партизан Васко Христич...

— Он у нас, в дивизионной разведке. Ты его увидишь. Рана не тревожит?

— Заживает! — ответил я.

— Отлично! А в отношении всяких твоих подозрений разберемся на месте, в Югославии. Теперь такое дело, Загорянов... — Ткачев подошел к комоду, повертел в руке картонную туфельку, усеянную ракушками, и снова сел за стол напротив меня. Сухое лицо его со впалыми щеками стало замкнуто-сосредоточенным.

— Так вот... — проговорил майор и опять замолчал.

— Какая сейчас обстановка? — не вытерпел я. — Где находятся части болгарской Народной армии? Действуют ли они с нами согласованно?

— С нами — да. С югославами — нет, — коротко ответил Ткачев.

— Почему?

Он пожал плечами и, постучав по карте пальцами, вкратце объяснил обстановку. Девятого сентября болгарские армии, объявив себя народными, перешли на сторону Отечественного фронта и в тот же день вместе с партизанами поспешили на помощь Югославии. 15-я пехотная дивизия освободила город Прилеп. Постановлением № 1 Совета министров Болгарии эти войска вошли в состав Третьего Украинского фронта. Маршал Толбухин поставил болгарскому командованию задачу: наступать к долинам рек Морава, Вардар и Ибар в Югославии, громить немцев и отрезать им путь к отступлению на север и северо-запад.

Ткачев взял карандаш и провел острием по линиям со стрелками.

— Вот здесь.

— Об этой задаче я слышал, — сказал я. — Один болгарский капитан приезжал к партизанам, хотел договориться о совместных действиях. Но командующий Попович ему отказал. Неужели до сих пор еще не договорились?

— Нет, — вздохнул Ткачев. — В том-то и вся беда. Это осложняет сейчас нашу задачу, а немцам облегчает отступление. Левый южный фланг фронта из-за этого повисает в воздухе, остается слабо прикрытым. Да к тому же еще болгарские части вообще не могут быстро наступать. Не могут наседать на противника — то и дело натыкаются на взорванные мосты и разрушенные дороги. Югославские партизаны, как нарочно, все это уничтожают перед самым их носом.

— По приказу Поповича... План «Ратвик», — проговорил я с горечью, подумав про себя, что Ткачев, конечно, и не подозревает, какое это бедствие для страны.

— Да, — покачал головой майор. — Неважно получается. Болгары настаивают на единстве действий, а из югославских штабов им отвечают, что от Тито по этому вопросу пока еще нет ответа. Мало того, главный штаб партизан Сербии шлет угрожающие директивы Пятой болгарской армии. Ей, видишь ли, не разрешают находиться в Македонии. В результате болгары потеряли город Прилеп. И вот при таких-то обстоятельствах армейская группировка немцев «Е» спешным порядком уходит сейчас из Греции и с островов.

— На своем пути она громит в долине Южной Моравы части Первого Пролетарского корпуса! — воскликнул я. — Я ведь был там. Бригада майора Перучицы едва спаслась от полного разгрома. Положение у партизан очень тяжелое. Медлить нельзя.

— Мы не медлим, — хмуро отрезал майор. — Каждый боец хочет поскорее помочь партизанам. Кстати, мой замполит проводит в школе собрание комсомольского актива. Бойцы, воевавшие на Кавказе, рассказывают молодому пополнению, как надо действовать в горах, передают им свой опыт. — Ткачев встал из-за стола. — Пойдем-ка и мы послушаем...

Ощущение чего-то бесконечно родного и милого, радостное чувство единения со своими охватило меня с новой силой, когда майор Манафов, приветливо улыбнувшись сквозь короткие усы, предоставил слово на собрании мне, как человеку, который хорошо знает условия войны в Югославии. От волнения я не мог сразу заговорить. Все бойцы, сидевшие передо мной в классе, казались мне, в полумраке и в табачном дыму, на одно лицо. Но все же я заметил, вернее, угадал, что это глаза Джамиля горят темным пламенем, подбадривают меня и напоминают о том, что нас должно хватить на многое, на далекое; что вот тот, сидящий беспокойно — Наточий, что высокая полусогнутая фигура у двери — это запоздавший Алиев, а блестящие точки — это золотые серьги в ушах Сакинэ. Рядом же с ней сидит Модин. Но скольких уже нет здесь! Сколько моих однополчан, вышедших со мной из Баку в сорок третьем, полегло на «проселочном» пути дивизии — в балках, на подступах к селам и местечкам, по берегам рек и речушек, в лесах и на полях. Однако полку не убыло, полк не задержался в своем неуклонном движении к цели, продолжая начатый им путь. Пройдет еще немного времени, и наступит желанный мир. Джамиль окончит восточный факультет, станет дипломатом, поедет в Иран или Турцию; Гасан Алибейли поступит в оркестр оперного театра в Баку, и я, быть может, услышу когда-нибудь в «Кёр-Оглы» нежный звук его тары. Алиев по утрам будет отправляться на свою нефтяную вышку, Модин снова примется строить ладные дома с накрепко сложенными углами, с широкими окнами, щедро принимающими солнце, с сосновыми полами, пахнущими смолой. Наточий опять сядет на трактор. Рыбкин сделается директором колхозной чайной, Булыгин вернется в театр, Лихачев — в университет, я — в свою «Тимирязевку». Все будет так, как было прежде, но только все это станет на несколько ступеней выше, потому что за войну мы возмужали, подросли в своем сознании и в своих чувствах, стали нежнее и суровее. Расширился в мире круг наших друзей. Мы узнали также всю гнусность и подлость врага. Наша любовь к трудовому человеку не помешает нам быть вдесятеро бдительнее. Требовательнее мы будем относиться и к себе и к другим, еще крепче будем дорожить мирной жизнью и трудом, своим счастьем и еще ревнивее, чем когда-либо, их оберегать...

Я справился с волнением и заговорил о Югославии, о горных ее тропах и ущельях, где, как учил Суворов, пройдет олень, а, значит, пройдет и русский солдат, о таких, как Тимок, быстрых реках, о густых лесах и крутых перевалах, где нас ожидают завалы из деревьев, переплетенных колючей проволокой, и танки, врытые в землю, которые надо уметь обойти. Я говорил об особенностях войны в горах, вспоминая партизанские бои, в которых участвовал. И в душе моей, как сжатая пружина, дрожало нетерпение — скорее, скорее притти со старыми друзьями к своим югославским товарищам и выручить их из смертельной беды...

Михаил АЛЕКСЕЕВ

БОЕВЫЕ ПОБРАТИМЫ

«Пути-дороги» — вторая книга романа «Солдаты». Читатель вновь встретит разведчика Ванина, парторга Шахаева, ефрейтора Ерофеенко, старшину Пинчука, офицера Забарова и других героев, знакомых по первой книге романа «Солдаты». Публикуемый ниже отрывок показывает главных героев романа в период выхода нашей армии на румыно-венгерскую границу осенью 1944 года.

Коммунисты разведроты расположились прямо на башенной площадке зáмка. Тут было ветрено, холодновато, зато безопасно: ни мина, ни снаряд, ни вражеские шальные пули не могли сюда залететь. Меж древних бархатисто-замшелых камней, на которых сидели разведчики, сочился свет, озаряя посерьезневшие лица солдат. Невдалеке смутно маячила гора, от которой бежал, юрко извиваясь и стремясь вниз, к утонувшей в легком тумане долине, ручей, рожденный падавшей из отвесной скалы прозрачной студеной водицей, будто скала эта плакала и никак не могла выплакать свои слезы. На одном уровне с башней медленно, лениво ползло облако, распарывая свое белое мягкое брюхо о каменный выступ горы.

— Ну, что ж, товарищи, начнем?

Сенька вздрогнул. Его зеленые, всегда озорные глаза округлились, расширились, лицо побледнело. Голос Шахаева показался Ванину каким-то незнакомым, чужим. Семен невольно пробежал взглядом по лицам коммунистов — своих боевых побратимов, на какой-то миг увидел близоруко щурившегося и протиравшего очки Акима («Что думает он сейчас? Наверное, выступит»), Петра Тарасовича, важно щупавшего свои еще более побуревшие усы («Этот обязательно выступит!»), Забарова, сосредоточенно глядевшего на Сеньку («Может припомнить глупые мои проделки за всю мою службу в роте»), парторга Шахаева, обнажившего в застенчивой улыбке ослепительно вспыхнувшие зубы, комсорга Камушкина, подбадривавшего Сеньку своим веселым взглядом.

— На повестке дня у нас один вопрос: прием в партию младшего сержанта Ванина Семена Прокофьевича. Нет возражений против такой повестки дня? — голос председательствующего звучал для Сеньки глухо, отдаленно, но удивительно точно попадал в цель — в сумасшедше-бьющееся, всегда такое отчаянное и вдруг вот сейчас, в кругу своих же сослуживцев, с которыми столько пройдено и пережито, струхнувшее сенькино сердце.

— Слово для информации предоставляется парторгу разведроты — старшему сержанту Шахаеву, — торжественно объявил Пинчук, которого почему-то почти на всех партийных собраниях избирали председателем, может, потому, что Петр Тарасович обладал зычным голосом и мог быстро утихомирить не в меру расходившихся ораторов. Сейчас он не удержался, чтобы не взглянуть своими добрыми очами на вконец смущенного и растерявшегося Семена.

Шахаев поднялся с камня, не спеша расстегнул свою знаменитую полевую сумку, и Ванин даже не заметил, как в руках парторга оказался столь знакомый лихому разведчику лист: когда-то чуть не целую ночь просидел над этим листом Семен.

— В нашу партийную организацию поступило заявление от младшего сержанта Ванина с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б). Разрешите мне зачитать это заявление. — Шахаев расправил своими короткими, негнущимися пальцами листок и, сразу построжав, стал читать:

«Я, дорогие товарищи, давно собирался подать свое заявление, да все не решался: уж больно много за мной числилось разных грехов, весь я был в сучках и задоринах. Строгать меня нужно было долго, обтачивать, как шершавый кусок железа на токарном станке. Может, и сейчас еще немало осталось тех задорин да сучков. Но с вашей помощью, товарищи коммунисты, быстрее пойдет обточка, на вашем токарном станке я скорее приобрету нужную форму. Вы только простите меня, что пишу так, — токарь я по гражданской специальности и хоть четвертый год не расстаюсь с ППШ, а никак не могу отвыкнуть от своей токарской профессии. Въелась она мне в душу, как железные опилки в ладонь.

В общем прошу принять меня в родную нашу партию. Не подведу. Не придется вам за меня краснеть. Слово разведчика даю.

Семен Ванин».

Затем парторг зачитал анкетные данные, три рекомендации: две — коммунистов (Шахаева и Забарова) и одну — комсомольской организации, подписанную Камушкиным.

— Может, послухаем Ванина, товарищи? Хай расскажет свою автобиографию.

— Мы, собственно, и так хорошо знаем Ванина. Не первый год служим вместе. — Аким снял очки и вновь принялся протирать их. — По-моему, не следует заслушивать.

Однако любивший во всем порядок Пинчук запротестовал.

— В таком деле, товарищ Ерофеенко, торопиться нельзя. Мы не в бою зараз. Треба все як следует обмозговать, обсудить, а потом уж и решать. Хай Сенька... простите, хай Ванин расскажет нам свою биографию. Послухаем, товарищи? Добре. Слово предоставляется командиру отделения разведчиков гвардии младшему сержанту Ванину. Прошу, Сем... товарищ Ванин. — Пинчук сел на камень и смущенно засопел.

Сенька встал, оглянулся вокруг, помучил с минуту в руках выгоревшую пилотку, потом положил ее рядом с собой на камень.

— Давай, Семен, рассказывай! — ободрил Пинчук, не выдержав до конца взятого им самим сугубо официального тона. — Мы слушаем тебя. Давай. Тут усе свои.

— Родился я... значит, — Сенька прокашлялся, но голос его не стал от этого громче. — Родился, значит, в городе Саратове, в семье рабочего-судостроителя, в 1923 году. Окончил семилетку, потом пошел работать на шарикоподшипниковый. Началась война — добровольцем уехал на фронт. Стал разведчиком.

Ванин замолчал.

— Все?

— Все.

— Дуже мало, — разочарованно пробормотал Пинчук и нахмурился. — Яки вопросы будут к Ванину? — и, не дожидаясь, когда слово возьмут другие, сам строго спросил: — Почему прямо из семилетки на завод пошел? Отчего не вчився бильш?

— Да по дурости. Учиться надоело — захотелось скорее работать... А потом — мама. Тяжело ей стало с тремя — у меня ведь еще два младших, — братишки... Пошел работать — все помощь маме... — Голос Ванина оборвался: разведчики с удивлением глянули на его как-то вдруг обрезавшиеся глаза, на вздрагивающие побелевшие губы. Таким они видели Ванина впервые, словно он взял да и показал им сразу все то, что так долго скрывал за постоянным балагурством: большое, доброе и нежное человеческое сердце.

Петр Тарасович собирался было задать Ванину еще несколько вопросов насчет того, не подвергался ли он, Сенька, на своем заводе административным и комсомольским взысканиям, не имел ли отклонения от генеральной линии партии и так далее, то есть все те вопросы, которые требовалось задавать в подобных случаях для полного порядка. Однако Пинчук сразу же забыл о своем намерении и только спросил, тихо и отечески ласково:

— А що ж, Семен, батька твий не робив, чи що?

— Нет у нас батьки. Вообще-то он есть, только...

— Бросив?

— Бросил... Связался с какой-то и уехал. Куда, не знаем. В Астрахань будто... В общем — бывает...

— Бывает, — подтвердил Пинчук глухо и заторопился. — Яки ще будуть вопросы? Немае бильш вопросов? Сидай, Семен. Кто желает слово?

— Да что тут говорить? Не знаем, что ли, мы Ванина! — Камушкин часто замигал своими пушистыми ресницами, покраснел даже от возбуждения. — Давайте голосовать!

Хоть Петру Тарасовичу и казалось это некоторым отклонением от принятой формы, но и он в душе не мог не согласиться, что вопрос действительно ясен и говорить, в сущности, не о чем. Подождав немного, он сказал:

— Камушкин прав. Шо тут много балакать? Приступим к голосованию. Кто за то, щоб принять Ванина кандидатом в члены нашей партии, прошу поднять руки, — голосують только члены ВКП(б), — не удержался Тарасович, покосившись на Акима, который все еще был кандидатом.

Сенька не видел, как поднялись руки, как просияли лица его товарищей, как солдаты вдруг все зашумели, поднялись со своих мест, окружили его, сгрудились плотнее, не дождавшись даже, когда председательствующий Пинчук громоподобно объявит: «Принят единогласно!», — ничего не слышал разведчик, кроме гулко и тревожно бьющегося в груди сердца.

— Ну, Семен, поздравляю! — над самым сенькиным ухом склонилось лицо Акима, и было это лицо такое хорошее, такое славное, что Ванин порывисто обвил руками худую шею товарища и долго не отпускал Акима от себя. Большая, грубая и теплая рука тряхнула Сеньку за плечо, глухой голос вспугнул на мгновение застывшую тишину:

— Поздравляю, Ванин!

— Спасибо, товарищ лейтенант!.. Спасибо, товарищи вам!..

Шахаев стоял в сторонке и улыбался. Седой, коренастый, узкоглазый, он был бесконечно родным для Сеньки. Откуда-то появились и беспартийные разведчики — должно быть, поднялись на башню, чтобы поздравить его, Ванина. Зачем-то присел рядом громадный Пилюгин, молча положил на плечо Ванина свою тяжелую ладонь.

— Ты что... Никита?

— Вот... пришел поздравить...

— Спасибо, спасибо, Никита!.. Только, знаешь, что?.. Виноват я перед тобой, — Ванин говорил быстро и сбивчиво. — Ругал тебя часто, подсмеивался... Такой уж характер, знаешь, дурацкий. Не могу без этого... самого, без шуток... Но ругань и смех — это еще полбеды, Никита. А вот не верил я в тебя — это плохо. Глядел я на тебя, как на сорняк в нашей роте. А ты — вон ты какой!.. Шахаеву да лейтенанту говори спасибо: они поумнее меня оказались...

— Да брось ты, Семен, с кем греха не бывает!

Но Ванин перебил сердито:

— Нет, Пилюгин, меня нечего оправдывать! Не нужны мне сейчас адвокаты, да и никогда я в них не нуждался. Коль нужно, сам оправдаюсь... Говорю, виноват перед тобой, — значит, виноват. — Ванин замолчал, торопливо развертывая кисет. — Давай закурим вот. И, знаешь, забудем прошлое! Ведь я теперь, знаешь, Никита, не тот... не прежний Сенька. Небось, видишь...

— Вижу, — тихо подтвердил Пилюгин, крепче сжимая сенькино плечо. — Но и ты мне немало помог. И твоя ругань на пользу пошла, ведь совсем слепым я был, как кутенок...

— Что-то жарко... — Ванин расстегнул ворот гимнастерки. — Вот хорошо! Гляди, Никита, какое облако!.. Будто живое, глянь! Ползет, как белая медведица, — осторожно, мягко... Аким! — позвал он друга. — Погляди, ведь здорово, а? Ну, глянь же!.. — Сенька присел. — Ну ж и потопали вы, друзья мои самоходные! — мечтательно заговорил он, обращаясь к своим ногам. — Нет на вас ни одного нетронутого местечка! Ничего! Коли надо будет, еще столько прошагаем!.. Куда хочешь дотопаем, хоть на край света, — зеленые глаза его вдруг потеплели, голос дрогнул от волнения: — Скажет товарищ Сталин, и дойду!

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ МАСТЕРСТВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО РОМАНА

О книге Г. Шолохова-Синявского «Волгины»

1. Наряду с изображением послевоенной эпохи и ее великих созидательных дел, одной из важнейших задач нашей литературы является художественное изображение того недавнего героического и поучительного прошлого, имя которому — Великая Отечественная война.

Борьба за мир во всем мире, которую настойчиво ведет наш народ, органически сочетается с его бесстрашием перед лицом любых случайностей и любых угроз. Изумительный образец этого бесстрашия и непоколебимости перед лицом осуществившихся угроз явила собой Великая Отечественная война.

Рассказ о великих деяниях, совершенных нашим народом в годы войны, в особенности поучителен для молодежи.

Мы, литераторы, должны помнить о той задаче, которую поставила перед советской литературой партия, — «воспитать новое поколение бодрым, верящим в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия».

В свете этой задачи важно подчеркнуть, что Великая Отечественная война — не предмет для военного бытописательства ради бытописательства, не поле для литературных упражнений, где весь запас наблюденного, лично виденного, пережитого тем или иным писателем в дни войны без разбора вываливается на страницы произведения, иногда из-за неумения осмыслить происшедшее, иногда из стремления лишний раз щегольнуть перечнем лично увиденных, бесчисленных подробностей войны.

Читая страницы такого военного бытописательства, можно иной раз отдать дань мужеству автора, который десятками точных, непридуманных деталей вновь напомнил, что он, несомненно, сам не раз бывал в пекле боев. Попутно можно поразиться памяти писателя, употребившего свой талант на то, чтобы с рвением коллекционера воскресить многочисленные мелочи войны. Именно такое чувство испытываешь, например, читая некоторые страницы повести Э. Казакевича «Сердце друга».

Но в этом ли главная задача художника, сейчас воссоздающего на страницах своего произведения картины Великой Отечественной войны? Разумеется, нет.

Не воссоздание дневниковых записей — пусть даже самых талантливых, — а осмысление хода событий необходимо сейчас для романиста, пишущего о минувшей войне; не бесстрастное высыпание, как из рога изобилия, всего, что когда-то попало в поле зрения и запомнилось литератору в связи с войной, — а пристрастный отбор самого главного, существенного.

Писатель имеет дело прежде всего с человеческими характерами. Значит, главное для него — показать организованность, стойкость, бесстрашие, ум, талантливость, размах советских людей, выигравших войну, показать разнообразные человеческие характеры, в которых, как ведущее начало, проявлялись эти воспитанные партией, советским строем типические качества.

Вот то основное, что должно служить предметом изображения романиста. При этом следует учитывать, что роман о войне — не просто собрание пусть даже самых героических эпизодов, не просто перечисление отдельных примеров мужества или стойкости. Роман — это связное повествование о судьбах людей, и только если судьбы основных героев будут раскрывать основные черты советского народа, позволившие ему выиграть войну, — роман станет правдивой и запоминающейся картиной. В центре этой картины, законно притягивая к себе наше основное внимание, должны стать фигуры, которые, если можно так выразиться, были в центре жизни изображаемой эпохи.

Если, создавая эту картину, писатель развернет большое разнообразие человеческих характеров и человеческих черт, если он покажет рядом с хорошим и дурное, рядом с красивым и некрасивое, рядом с героизмом и проявления малодушия, то все эти теневые стороны жизни найдут свое подчиненное, но правомерное место на едином большом полотне. Художник только верно поступит, если, не теряя чувства меры и общей перспективы, найдет на своей картине место и для изображения чувств и поступков мелких, недостойных, которые надо судить, а для того, чтобы судить, необходимо их показывать.

Но если (как это случилось в первой книге нового романа В. Гроссмана) центр изображаемой художником картины не составляют сильней всего художественно выраженные и сразу бросающиеся в глаза зрителю лица и судьбы, с которыми связано представление о победе и о том, как она была завоевана; если эти типические и в то же время героические характеры советских людей не составили главного предмета внимания художника, если центр картины пуст, не отчетлив или заволокнут дымкою, то никакие объясняющие ход дела авторские отступления, никакое число художественных подробностей на окружающем пространстве картины, никакое богатство боевых или жанровых сцен не сделают картину верной и отвечающей правде жизни, сколько бы правдоподобных частностей ни было рассыпано вокруг.

А правда жизни в романе о Великой Отечественной войне — это художественное раскрытие через ряд основных для повествования человеческих образов того, почему и как советский народ победил.

Товарищ Сталин в своей речи 9 февраля 1946 года говорил, что «Наша победа означает, прежде всего, что победил наш советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность».

Эта мысль должна быть художественно раскрыта писателем в образах советских людей. В этом — задача всякого крупного произведения, посвященного Отечественной войне, и с этих позиций мы и должны его судить, какой бы период войны там ни был взят — вся война или только конец ее, середина или начало. Какой бы материал художник ни брал — героический штурм Берлина в апреле 1945 года или бессмертный подвиг защитников Брестской крепости в июле 1941 года, — у него одинаковая задача: показ непобедимости советского строя и истоков этой непобедимости.

2. Издательство «Советский писатель» недавно выпустило в одном объемистом томе изданный ранее тремя отдельными книгами в Ростовском областном издательстве роман Г. Шолохова-Синявского «Волгины». Роман этот — плод многолетнего труда — посвящен событиям 1941—1945 годов. Он начинается в последнюю предвоенную зиму и заканчивается в первое послевоенное лето. Помимо того, что достоинства и недостатки этого романа заслуживают оценки сами по себе, разбор его, как мне кажется, представляет возможность коснуться некоторых общих проблем работы над советским военным романом.

Книга Шолохова-Синявского «Волгины» — это история семьи старого ростовского рабочего-краснодеревщика Прохора Матвеевича Волгина, история его самого, его жены, трех его сыновей и дочери в период между 1941 и 1945 годами.

Если, говоря о композиционной стороне романа, употребить старый, бытовавший в русской литературе XIX века термин, — роман можно было бы назвать семейной хроникой. За небольшими исключениями, в поле зрения автора попадает, главным образом, то, что связано с жизнью членов семьи Волгиных в военные годы. Мы по большей части видим в романе те места, где оказываются члены семьи Волгиных; узнаем о тех военных операциях, в которых они участвуют, знакомимся с людьми, с которыми сталкиваются Волгины, с которыми они служат, дружат или которых любят.

В выборе такой композиции для романа, претендующего на изображение деяний советского народа в эпоху Великой Отечественной войны, таится известная опасность.

Конечно, объять необъятное — все стороны жизни советского народа во время войны — невозможно ни в каком романе. Но все же, композиционно строя роман, как семейную хронику, не сузит ли автор свою задачу чрезмерно, не обойдет ли он многое из того определяющего для изображения военной эпохи, что обходить нельзя, создав картину уже чересчур неполную?

Такие опасения законны. Неправильно было бы заранее объявлять ту или иную композицию неприемлемой. Но, анализируя роман, необходимо отметить все те подводные камни, которые несет с собой та или иная композиция, наряду с теми положительными сторонами, которые заставили автора остановить выбор именно на ней.

Читая роман «Волгины», нельзя не заметить, что автор, остановившись на композиции семейной хроники, в первых двух книгах весьма основательно (в третьей — несравненно меньше) продумал немаловажный вопрос о том, как связать избранное им построение романа с задачей показать более или менее широкую картину событий Отечественной войны.

В жизни множество непохожих друг на друга разных семей, и по-разному складываются их судьбы. Художник, пишущий об Отечественной войне, разумеется, вправе брать в поле своего зрения разные семейные судьбы и показывать все их разнообразие. Но когда судьба одной семьи ставится в центр повествования, когда жизнь ее становится главным предметом изображения в романе о Великой Отечественной войне, — то пустить корабль на волю ветра непозволительно для художника. Это значит совершить непростительную ошибку, ибо, поставив в центр повествования одну семью, сделав ее основой изображения, художник обязан показать такую семью, групповой портрет которой был бы типичен для советского общества.

Я не боюсь сказать, что художник, решивший поставить в центр романа об Отечественной войне одну семью, должен показать **героическую семью**, ибо в первую очередь именно через этих людей писатель раскрывает героизм **всего** народа, руководимого партией Ленина — Сталина.

В этой связи следует отметить, что, когда, например, в романе «За правое дело» В. Гроссман по началу повествования неправомерно ставит в композиционный центр книги семью Шапошниковых, то это вызывает у читателя острое ощущение неудовлетворенности не потому, что таких семей не бывает, — бывают и такие семьи, — а потому, что автор выдал нечто, хотя и имеющее место в жизни, но побочное, за центральное, определяющее. Когда лучи многих, казалось бы, важнейших линий повествования расходятся в романе от этого мнимого фокуса — от семьи Шапошниковых, — то это воспринимается не только как цепь случайностей, но и как неоправданный авторский произвол в решении темы Великой Отечественной войны.

3. Г. Шолохов-Синявский, строя свой роман «Волгины», как семейную хронику, обнаружил принципиально верный подход к решению стоявшей перед ним задачи. Волгины, по замыслу автора, — это одна из тех советских семей, которые сразу же встают у нас перед глазами, как только мы подумаем о том, что нового внесли десятилетия Советской власти в жизнь народа. Такую семью, как семья Волгиных, не только нельзя представить себе в России до революции, но она типична именно для той эпохи, когда Советской власти пошел уже третий десяток лет.

Глава семьи Прохор Матвеевич воевал в гражданскую войну, стал коммунистом, но профессия у него осталась та же, что и до революции. Так же, как и до революции, осталась домашней хозяйкой и его жена Александра Михайловна. Однако, несмотря на эту неизменность профессии, Прохор Матвеевич уже не тот рабочий, каким он был до революции: у него и другой кругозор, и другие взгляды на жизнь, и другие требования к ней. То же самое можно сказать и о его жене.

Но этим не исчерпываются перемены, происшедшие в семье. Перемены эти связаны и с тем, кем стали дети старого рабочего ростовской мебельной фабрики в условиях Советской власти; старший сын Павел — директором совхоза, средний Алексей — инженером-строителем, младший, Виктор — летчиком, дочь Таня — студенткой медицинского института.

Не в каждой семье, конечно, так, и в то же время — это типичная семья. Все направление движения советского общества позволяет тысячам и тысячам рабочих семей становиться именно такими.

Когда Шолохов-Синявский именно такую семью делает центром своего повествования о годах Отечественной войны, он поступает верно. Он вводит всех членов семьи в гущу событий: Виктор сражается всю войну как летчик, Алексей, инженер-строитель, уходит на войну политработником, Таня, прервав учебу в институте, становится военной медсестрой, сам Прохор Матвеевич сначала сражается на окраине Ростова в рядах рабочего ополчения, а потом, в дни оккупации, остается в городе на подпольной работе, Павел выносит на своих плечах и тяжесть эвакуации совхоза и трудности восстановления разрушенного немцами хозяйства. И хотя можно сказать: не каждая семья вся целиком принимала такое непосредственное и активное участие в войне, бывало по-разному, но Шолохов-Синявский прав, именно так рисуя взятую им в центр романа семью Волгиных, именно так изображая цвет советского общества и на протяжении двух первых книг в большинстве случаев справляясь с решением поставленной им перед собой задачи.

Характеры всех членов семьи Волгиных — и Виктора, и Алексея, и Павла, и Тани, и их отца и матери — выписаны с большой правдой, с хорошей художественной достоверностью: глубокий патриотизм, чувство долга, сила характера, храбрость, выдержка в крови у всех Волгиных.

Но это же самое в крови и у многих и многих других, идущих рядом с ними советских людей. Это качества, воспитанные в людях советским строем.

Автор не любит декларативно говорить об этом, и правильно делает. Он предпочитает показывать это в поступках людей с той само собой разумеющейся естественностью, которая сильнее слов.

Мы следим за героической судьбой представителей семьи Волгиных, ибо о них в первую очередь рассказывается в романе. И в то же время мы ясно ощущаем, что об этой семье автор рассказывает не потому, что Волгины — исключительные люди. Они такие же люди, как и многие другие. Читатель и любит их за то, что, при всем своеобразии индивидуальных черт, они в чем-то самом главном напоминают ему многих разных, милых его сердцу советских людей.

В этой связи, еще раз вспомнив роман В. Гроссмана, хочется отметить, что выведенный там Виктор Павлович Штрум, несмотря на все внимание автора к этому персонажу, рождает у нас, читателей, не только чувство равнодушия, но и отчужденности, потому что у нас с этим образом не ассоциируется ни один любимый или близкий нам образ живых советских людей. Штрум — это не тип, а исключение, однобоко согретое лишь одной любовью — авторской, да и то трудно объяснимой.

Волгины соединены между собой ниточками семейных связей. Мы все время помним об этом. Это подсказывает нам сама композиция романа. И в то же время мы понимаем, что люди, которые воюют рядом с Виктором, или Алексеем, или Таней, хотя и не стали предметом главного авторского внимания, однако ничем не хуже их. С такой же теплотой, как и Волгины, выписан и капитан Гармаш, ближайший соратник Алексея, и Родя Полубояров — летчик из эскадрильи Виктора, и Тамара Старикова, в одном санвзводе с Таней подбирающая раненых. В сущности, автор мог бы написать об этих людях такое же повествование, как о Волгиных, обрати он главное внимание не на семью Волгиных, а на семью Гармашей или Полубояровых.

Очень важно, что, рисуя в первых двух книгах романа события первого года войны и связывая линии сюжета главным образом с судьбами семьи Волгиных, Шолохов-Синявский не суживает общий размах событий и значение происходящего, причем достигает этого не столько авторскими публицистическими отступлениями, которыми он не злоупотребляет, сколько иным, на мой взгляд, более плодотворным путем.

Оговариваюсь, что, конечно, было бы неверно протестовать против всякого рода авторских отступлений. К месту введенное публицистическое отступление подчас бросает важный дополнительный свет на то, что **художественно изображается**, — и это бывает хорошо. Плохо же бывает, — и бывает, к сожалению, часто, — когда публицистические отступления подменяют собой то, что **художественно не изображено**, являясь как бы грубыми стежками, наспех стягивающими края прорех.

Говоря о более плодотворном, на мой взгляд, пути, я имею в виду, что в первых книгах своего романа Шолохов-Синявский стремится дать масштаб событий не при помощи прямых авторских рассуждений, а показывая, что думают о войне его герои, как они ее осмысливают. Это принципиально важная удача, ибо советские люди на войне, вне зависимости от своих должностей, от подчас крошечного кусочка фронта, находившегося в их непосредственном поле зрения, — интеллектуально, как правило, выходили за пределы этого поля зрения, стремились осмыслить происходящие события, вникнуть в них. И в этом-то и сила и принципиальное отличие советского офицера и солдата — человека с новым, социалистическим сознанием, — от механической человеко-единицы капиталистической военной машины.

4. Я не хотел бы представлять дело так, что первые две книги романа «Волгины» свободны от недостатков. Иногда автор вдруг, посреди правдивого человеческого разговора, вкладывает в уста своих героев целые речи с оттенком ораторства, художественно неоправданные в предлагаемых обстоятельствах. Это не раз нарушает художественную ткань романа. Для примера можно вспомнить разговор Алексея и Тани на стр. 294, или разговор Алексея и начальника политотдела армии Колпакова на стр. 332—334, да и другие разговоры между ними, почти всюду, где появляется Колпаков с его «могучим телосложением, с пушистой, во всю грудь, изжелта-русой бородой» — персонаж, который мог бы сыграть существенную роль, не будь он написан, как картонная фигура посреди живых людей.

Есть в первых двух книгах романа (а в третьей книге их еще больше) немало литературных штампов, ложных красивостей, примелькавшихся сравнений. Приведу на выбор только несколько примеров: «гигантские струны проводов», «могучий поединок моторов и стали», «страшное рычание моторов», «майская ночь, промелькнувшая, как степной и быстро растаявший мираж», «бой, проплывающий, как мелькающие один за другим кадры очень динамического фильма».

Изредка встречаются и просто не слишком грамотные обороты: «весть о раскрытии вражеского замысла и часа наступления уже облетела **всюду**» (стр. 631), или дальше, на стр. 634: «Богданыч разговаривал **через** телефонную трубку с полковником Синегубом».

Все это портит многие страницы романа, особенно его третьей, более небрежно и размашисто написанной книги.

Однако, не умалчивая обо всем этом, следует оценить первые две книги романа, как успех автора, и успех, закономерно обретенный на принципиально верном пути. Решив композиционно построить роман о Великой Отечественной войне, как семейную хронику Волгиных, Шолохов-Синявский правильно поставил в центр повествования фигуры значительные и типические, людей рядовых и в то же время несущих в себе героическое начало, тех, за кем чувствуется сила советского народа, победившего в войне, о которой товарищ Сталин сказал, что ее «...нельзя считать обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск».

5. Первые две книги романа охватывают собой последние предвоенные месяцы и первое полугодие войны. Третья книга, занимающая собой немногим больше трети романа, охватывает громадный период — с весны 1942 года вплоть до первого послевоенного лета.

Если рассматривать третью книгу с точки зрения стиля и языка, которым она написана, то, как уже было сказано, на ее долю падает наибольшее количество неудачных мест, стилистических и языковых небрежностей. От чтения ее создается такое впечатление, как будто написана она рукою как бы несколько усталой после долгой работы и вдруг заторопившейся развязать все сюжетные узлы, упомянуть о всех происшедших событиях и поскорей поставить точку, завершающую роман.

Если первые две книги представляются принципиальной удачей автора, несмотря на целый ряд неудачных частностей (здесь были приведены лишь некоторые из них), то в отношении третьей книги складывается иное ощущение, хотя именно в ней есть ряд мест, быть может, самых сильных во всем романе. К ним следует отнести многие страницы описания боев на Курской дуге, такие, например, как бой Дудникова и Хижняка с немецкими танками. Не лишним будет отметить, что фигуры этих двух бойцов вообще являются удачей автора; они проходят через весь роман рядом с повествованием о семье Волгиных, как вторая отчетливо проведенная героическая линия.

К хорошим страницам третьей книги романа принадлежат и главы, описывающие возвращение Виктора после ранения на фронт, его приход в госпиталь, встречу с Валей.

Немало сильных страниц (так же как в первых книгах) посвящено в третьей книге работе Тани и ее подруг в санчасти батальона. Эти главы написаны с глубоким уважением к нашим советским женщинам, показавшим на фронте примеры скромной, но не увядающей доблести.

Словом, в третьей книге романа немало удачного. Однако в целом она не оправдывает ожиданий, ибо в ней роман постепенно перестает быть романом и превращается в странное чередование повествования и конспекта. Начинает казаться, что автор вдруг, приступая к третьей книге, испугался собственного замысла. На то, чтобы описать первое полугодие войны, у него ушло почти целиком две книги, а он с самого начала, как видно, задумал роман в трех книгах. И вот он подошел к третьей книге — и оробел, увидев, что если ему и дальше, до конца войны разворачивать повествование так же, как он начал, с тем же широким описанием событий, с тем же вниманием к психологии людей, — то нужно писать по крайней мере еще три-четыре таких же книги, какие уже написаны.

Был перед автором и второй путь. Не обязательно, разумеется, доводить всякий роман о войне до послевоенного времени. Если автор не чувствовал в себе сил на то, чтобы провести героев через всю войну, он вправе был определить для себя рубеж, на котором могла закончиться третья книга его романа, рубеж, отдаленный еще целыми годами боев от окончательной победы, но в данном случае вполне оправданный, ибо Шолохов-Синявский — надо отдать ему должное — сумел в первых книгах показать своих главных героев такими, что у читателя уже создалась вера в то, что эти люди победят, где бы он с ними ни расстался, прочитав слово «конец», — в Сталинграде, на Курской дуге или на Днепре.

Однако автор романа, к сожалению, не избрал ни того, ни другого пути. Он решил осуществить свой первоначальный замысел и довести роман до конца войны в пределах третьей книги, несмотря на то, что и объем и размах первых двух книг явно не позволяли вступать на этот третий, компромиссный путь, на котором неизбежно нарушалось художественное соотношение частей и замысел, формально выполняясь, фактически комкался.

На этом вопросе важно остановиться. За последнее время мы уже несколько раз встречались с романами, в которых заключительная часть находится в резкой художественной разобщенности с предыдущими и, по существу, является не естественным продолжением их, а лишь торопливой рукой набросанным эпилогом.

Иногда литераторы и критики пытаются оправдать это явление желанием приблизить ту или иную эпопею к современности, во что бы то ни стало довести до определенного исторического рубежа или до наших дней, не считаясь с художественными потерями и убытками, неизбежно возникающими при поспешной работе. Вряд ли можно согласиться с такими оправданиями.

Как уже сказано, в третьей книге «Волгиных» повествование то и дело перемежается конспектом. Для того, чтобы показать, насколько разителен здесь разрыв в художественных средствах, в самой писательской манере, следовало бы для примера процитировать рядом одну из глав повествования и несколько абзацев конспекта, часто непосредственно следующего за хорошей, полновесной главой. Но, к сожалению, цитировать целые главы нельзя. Поэтому остается отослать читателя, скажем, к такой главе, как 5-я глава третьей книги (стр. 576—584). А в качестве примера того, что получается, когда автор с повествования переходит на конспект, приведу только одно место на стр. 585—586.

«Все партийные и комсомольские организации батальонов, полков и тыловых хозяйственных подразделений представали перед Алексеем, как знакомые, живые люди, в боевых и деловых качествах.

Чем ближе и подробнее Алексей знакомился со своими коммунистами и комсомольцами, тем больше убеждался, что перед ним сила несокрушимая, призванная стать в предстоящих боях главным двигателем. Чем крепче, сплоченнее и чище станет партийное ядро, тем надежнее оборона, тем крепче, целеустремленнее будет удар по врагу. Эта мысль пронизывала каждый шаг Алексея.

...Зимние боевые успехи, а затем длительная передышка притупили у некоторых командиров остроту бдительности, вызвали проявление беспечности и излишней самоуверенности. Бывали случаи плохой маскировки огневых позиций и ослабление дисциплины. Для устранения этих недочетов на помощь командованию должны были притти коммунисты и комсомольцы. Этому вопросу Алексей и решил посвятить партийные собрания в частях».

Из третьей книги романа «Волгины» можно привести немало подобных этому примеров, когда автор говорит так, словно он наспех занес в записную книжку краткое содержание будущих глав художественного повествования.

Можно не умножать примеров, ибо главное — подчеркнуть сущность ошибки. Замысел пришел в противоречие с исполнением. Автор решил во что бы то ни стало рассказать **все** намеченное. Но намеченного хватило бы на несколько книг, и автор пошел по пути художественного описания только того, что ему казалось безусловно необходимым описать, дабы не нарушилась сюжетная ткань романа, и по пути конспектирования остального.

И здесь пострадала отнюдь не только одна художественная сторона романа.

Когда в романе, композиционно построенном, как хроника семьи Волгиных, автор вдруг расстался с манерой широкого, неторопливого повествования и стал отбирать для изображения лишь самое необходимое, то в большинстве случаев этим «самым необходимым» оказались сюжетные моменты, связывающие между собой членов семьи Волгиных, — их переписка, разговоры, взаимные посещения...

Когда в первых книгах этот сюжетный композиционный каркас держал на себе здание многочисленных и разных событий, то среди всего происходившего сюжетная линия встреч членов семьи Волгиных, их отношений выглядела только естественно. Но когда этот каркас обнажился, то роман постепенно начал терять в своей объемности и значительности. В одних случаях война стала ощущаться только как фон для все новых и новых встреч Волгиных, в других случаях важнейшие события оказались обойденными лишь потому, что они очутились в стороне от поспешно завершаемого сюжета.

В итоге битва на Курской дуге, описанная в первой половине третьей книги романа, оказалась последним, широко показанным событием войны. А дальше, на последних ста страницах, началась ничем не объяснимая скороговорка с поспешным перечислением всего, что произошло за последние два года войны, и без сколько-нибудь серьезной попытки **изобразить то**, о чем автор счел необходимым **упомянуть**.

На последних ста страницах романа автор доехал до конца первоначального замысла, но доехал, до обидного много растеряв из того, что было им накоплено в первых двух книгах и даже в начале третьей. И, частые спутники поверхностности, поспешности, на этих страницах появились и слащавые, умиленные характеристики людей, рождающиеся тогда, когда автору некогда подробно рассказать о хорошем человеке, почему он хороший, а надо только поспешно выставить ему отметку. Так появились характерные абзацы вроде нижеследующего:

«Он докладывал генералу Колпакову обо всем, что делалось в частях, советовался с ним, получал новые предписания. Помимо служебных, между Алексеем и Колпаковым установились отношения почти дружеские. В них сочетались официальная сдержанность и скупая теплота, свойственная боевой дружбе фронтовиков. Внимание Колпакова к Алексею было таким искренним и подкупающим, что Алексей чувствовал к нему все большую привязанность».

Спутниками поспешности явились и некоторые торопливые общие броские формулировки, которые автор не успел сделать естественным итогом внутренних размышлений человека, и поэтому их внешняя эффектность похожа на выстрел холостым зарядом.

6. Роман кончается кратким эпилогом — там же, где он начался, в маленьком доме стариков Волгиных в Ростове. Умерла Александра Михайловна Волгина. Но жив Прохор Матвеевич, и съехались вместе его сыновья и дочь, оставшиеся в живых после мужественно пройденных ими испытаний войны, не сломившиеся в этих испытаниях, а, наоборот, окрепнувшие и готовые к новой работе, если надо, к новой борьбе.

Это закономерный эпилог романа о такой семье, как Волгины. Такого эпилога ждешь, ему радуешься. И в то же время с чувством досады вспоминаешь ту скороговорку, которая чем дальше, тем больше царила на последних страницах романа. И невольно думаешь, что с гораздо большим удовлетворением прочел бы этот послевоенный эпилог, если бы до этого расстался с героями романа там, где, по существу, окончательно обрывается цельное художественное повествование о них, — летом 1943 года, не будучи вынужденным после этого читать предшествующие эпилогу авторские конспекты событий 1943—1945 годов — конспекты, претендующие на замену повествования, но не заменяющие его.

К. СИМОНОВ

ВЕРНЫЕ СЫНЫ КИТАЯ

Уже более трех лет прошло с тех пор, как после долгой борьбы Китай освободился от иноземного ига; наконец-то народ Китая почувствовал себя хозяином своей великой земли и свободно и радостно принялся строить новый уклад жизни — разумный и справедливый.

У свободного народа большие желания и потребности — он хочет как можно быстрее укротить буйные реки, насадить леса, построить железные дороги, заводы, шахты, университеты.

И, конечно, подвиги сынов Китая, совершенные в годы упорной военной борьбы, сплотившей народ воедино ради великой цели, могут и должны оставаться воодушевляющим примером для нации и в ее великой созидательной работе.

Последним годам войны, ее заключительному победоносному этапу, завершившему разгром предательской клики Чан Кай-ши, посвящена вышедшая только что на московские экраны кинокартина «Боевые друзья».

...По заснеженным полям северо-востока страны идут солдаты Народно-Освободительной армии, идут в бой за свободу и счастье. Походным маршем шагают молодые бойцы, они смотрят на вас своими горячими темными глазами, и в вашем сердце зарождается симпатия к этим людям.

Киноаппарат показывает командиров и солдат этого полка и выделяет из них двух друзей, идущих рядом. Это герои фильма — Лю Син и Сяо Вань.

Один за другим разворачиваются перед нами боевые эпизоды, выразительно и правдиво снятые оператором на натуре.

Показывая подвиги Лю Сина и Сяо Ваня, их верность солдатскому долгу, верность в дружбе, преданность народному делу, авторы вместе с тем успевают рассказать и биографию Лю Сина, его сложный путь — от забитого крестьянина до сознательного, активного бойца.

Чередуя фронтовые эпизоды со сценами, происходящими в деревне, показывая, как добровольные крестьянские бригады поддерживают своих вооруженных сыновей и братьев на фронте и в тылу, авторы восстанавливают подлинную правду истории и помогают понять, что успехи и победы Народно-Освободительной армии обусловлены ее неразрывной связью с народом и тем мудрым руководством, какое осуществляла в бою и осуществляет в созидательном труде Коммунистическая партия Китая.

Искреннее стремление авторов быть правдивыми в изложении событий рождает много удачных эпизодов и сильных кадров.

Выразительно сняты сцены атаки, когда знамя из рук убитого знаменосца не успевает упасть на землю, ибо его подхватывает и несет вперед новый боец. В этой сцене есть настоящая стремительность и увлеченность боем, хорошо передан неудержимый натиск революционных солдат.

Выразительны эпизоды передвижения войск по занесенным снегом дорогам; хороши сцены перевозки раненых бойцов крестьянской бригадой на фоне движущейся армии. К удачам картины относится и сцена в вагоне, где старик крестьянин, отец Сяо Ваня, едет во вновь освобожденные районы, везя в помощь разоренным людям продовольствие, собранное среди крестьян, ранее освободившихся от гоминдановского владычества.

Кстати надо отметить удачу актера Ду Дэ-фу, играющего роль отца. Мало иметь хорошие актерские данные, нужно еще уметь пользоваться ими. В данном случае и внешность актера и его талант объединились, и перед зрителями встает убедительная, точно обрисованная фигура крестьянина, как бы случайно попавшего в поле зрения кинокамеры, подглядевшей этого человека в реальной жизни.

Таких людей, как этот крестьянин, вы и теперь часто встретите в китайской деревне. Впрочем, и образы обоих фронтовых друзей тоже выразительны и типичны — это рядовые граждане молодого могучего государства с обычной для их поколения судьбой.

Сильное впечатление оставляют финальные боевые эпизоды.

Стремительно и ярко показаны уличное сражение, захват дома, бой в лестничной клетке.

И когда в заключительных кадрах картины перед аппаратом дефилируют стройные колонны солдат Китайской Народной Республики и впереди шагают двое знакомых нам друзей, снова чувство удовлетворения наполняет нас — свершилась историческая закономерность, пришло то счастье, которого так достоин великий народ, долгие годы проливавший кровь за дело свободы!

В хорошем фильме «Боевые друзья» есть и недостатки. Мне хотелось бы, например, сказать драматургу о том, что слишком расплывчата ткань его повествования, теряющего порой сюжетную основу и растекающегося в хронике дней войны. Думаю, что не все актеры сумели найти такие индивидуальные черты характеров, которые представили бы их героев разнообразнее, ибо в фильме большинство действующих лиц обрисовано как бы однолинейно.

Но при всех непреодоленных недочетах фильм «Боевые друзья» с интересом и с глубокой симпатией смотрит советский зритель, потому что он находит здесь живое, искреннее и правдивое отображение одного из эпизодов исторической победы, которую одержал великий китайский народ в борьбе за свое освобождение, за право на ту новую, счастливую жизнь, какую он строит сегодня в тесном, неразрывном союзе с нашей Родиной.

Мы смотрим уже не первый фильм, созданный молодой китайской кинематографией. В этих фильмах рассказывается о днях жестокой самоотверженной борьбы и о столь же самоотверженном вдохновенном созидании. От фильма к фильму растет художественное мастерство, накапливается в работе опыт. Реалистическое направление художников китайской кинематографии, их страстное желание послужить своим искусством общему делу построения нового общества свидетельствуют о том, что кинематография нового Китая идет по верной дороге. Об этом красноречиво говорит и фильм «Боевые друзья», демонстрирующийся сейчас на экранах Советского Союза.

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

«Боевые друзья» — китайский художественный фильм. Сценарист Лю Бай-юй. Режиссер Чжай Чиан. Оператор Фу Хун. Художник Ван Тао. Музыка Янь Кэ. Производство Северо-восточной киностудии Центрального киноуправления Китайской Народной Республики. 1952 г.

Новые книги

Бубеннов М. Белая береза. Книга 2. (Роман-газета). Гослитиздат. 62 стр. Цена 1 руб. 95 коп.

Венуолис А. Пуоджюнкемис. Перевод О. Йоделене и Л. Славина. Вильнюс. Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР. 366 стр. Цена 7 руб. 70 коп.

Доризо Н. Стихи. «Молодая гвардия». 135 стр. Цена 2 руб. 90 коп.

Кулешов А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. Перевод с белорусского. Гослитиздат. 376 стр. Цена 10 руб. 55 коп.

ВИД ИЗ-ЗА КУЛИС...

«В совете Атлантического блока царит атмосфера единодушия и дружелюбия...»

(Из официальных «атлантических» коммюнике)

Рисунок из чехословацкого журнала «Кветы»

Н. НОВОСЕЛЬСКИЙ

„ЭВОЛЮЦИЯ" ГЕНЕРАЛА ФУЛЛЕРА

Имя английского генерала Фуллера, одного из «теоретиков» молниеносной войны с помощью высокомеханизированных профессиональных армий, в свое время весьма часто мелькало в зарубежной печати. Однако после того, как идейный ученик и последователь Фуллера — Адольф Гитлер провалился со своим «блицкригом», английский теоретик молниеносного империалистического разбоя канул в политическое небытие...

Теперь, как выясняется, генерал Фуллер снова вынырнул на поверхность... страниц—как нетрудно догадаться — реакционной печати США. Не так давно помощник редактора американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» Чарльз Клайн специально отправился в Лондон, чтобы побеседовать с этим маститым военным экспертом на тему: «Как блокировать Россию». Текст интервью Фуллера под этим заголовком и был помещен недавно в этом журнале.

Заокеанские поджигатели новой войны не случайно обратились за «консультацией» к Фуллеру. Американская военщина, как известно, широко пользуется услугами бывших гитлеровских вояк. Пентагону служит гитлеровский «специалист по танковой войне» Гудериан, в американских лабораториях смерти «трудится» специалист по бактериологическому оружию генерал Шрейбер, «импортированный» из Западной Германии в США. Естественно, что если Пентагон поставил себе на службу битых гитлеровских генералов, то почему бы не использовать и провалившегося вместе с ними «теоретика» блицкрига, ныне отставного английского генерала Фуллера?

Надо признать, что взгляды Фуллера, как видно, под влиянием событий второй мировой войны, претерпели явную «эволюцию». В своем интервью он ни словом не заикнулся о сверхмеханизированной «армии роботов», когда-то так пленявшей его воображение. Единственное, в чем генерал Фуллер остался непоколебим, — это в своей звериной ненависти к Советскому Союзу.

Что же ответил Фуллер на вопросы, поставленные ему Клайном? Скажем прямо: его ответы содержат мало утешительного для Пентагона. Цитируем:

«**Вопрос.** ...Что вы думаете о нынешнем плане создания европейской армии?

Ответ. В своем теперешнем виде он до жалкого нереалистичен.

Вопрос. Это только армия на бумаге?

Ответ. Теперь — самым определенным образом...

Вопрос. Достаточно ли сильна Франция, чтобы сделаться бастионом Запада?

Ответ. Абсолютно нет. В настоящее время Франция — это фактически обуза...»

Английскому генералу прекрасно известно, как империалисты США третируют своих «союзников», включая и когда-то гордый Альбион. Но британский милитарист и сам не прочь лягнуть слабейшего... Заявив, что Франция — «обуза», генерал Фуллер предлагает и обращаться с ней соответственно, т. е. без лишних церемоний. Он откровенно говорит, что США должны поставить крест на Францию, которая, по его мнению, перестала представлять в военном отношении какую-либо ценность еще «со времен Крымской войны».

Надо держать курс на вооружение Западной Германии и Испании, рекомендует Фуллер, зная, чего хотят от него за океаном. «Я стою за вооружение Германии. Я думаю, что и немцы и испанцы могут быть превращены в ценную силу». Фуллер высказывает даже надежду на «пришествие» нового «фюрера». «Мы можем предвидеть, — восклицает он, — что в Германии снова появятся сильные лидеры».

Схватывая идеи своего собеседника с полуслова, генерал Фуллер бодро соглашается с тем, что США «должны вооружаться в огромных масштабах». Союзники США, конечно, тоже: «Чем лучше будут вооружены все, кто на нашей стороне, тем смелей мы сможем действовать...» В частности, Фуллер предлагает продолжать дальше гонку атомных вооружений. Он целиком за применение атомных бомб в будущей войне. Вот, пожалуйста:

«**Вопрос.** Будет ли применена атомная бомба, если когда-нибудь в будущем вспыхнет всеобщая война?

Ответ. Я думаю, да. Можно быть уверенным, что в конечном счете все виды оружия будут привлечены на подмогу. Конечно, победитель может завоевать вместо мира только пустыню, но общественное мнение повсюду потребует (!) такого усилия».

Итак, английский подголосок заокеанских маньяков не удовлетворяется проповедью своих кровожадных «теорий» атомной войны. Он кощунственно приписывает желание применить атомное оружие... «общественному мнению»! И это в тот момент, когда сотни миллионов людей во всем мире настойчиво требуют безусловного запрещения атомной бомбы и других варварских средств массового истребления людей!

Но что любопытно! Обанкротившийся английский «теоретик» блицкрига не уверен уже и в силе атомных бомб. Чего же, по мнению генерала Фуллера, не хватает американским империалистам, чтобы бросить армии своих наемников в завоевательный поход?

Ответ звучит неожиданно — не хватает идеи...

«На идею, — заявляет Фуллер, — мы должны ответить лучшей идеей. Мы должны провозгласить Западную Хартию такого же... воздействия, как старый Коммунистический Манифест. Тогда мы можем приступить к делу».

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Вот какую эволюцию совершил, оказывается, генерал Джон Фредерик Чарльз Фуллер, отставной апостол немногочисленных, но до зубов вооруженных армий, призванных избавить империалистов от неприятной необходимости дать оружие в руки миллионов рабочих и крестьян, одетых в военную форму. Нужны «идеи»!

Фуллер шамкает: «Нужна психологическая контр-война... Вы должны гораздо больше тратить на психологическую войну».

Но разве заправилы США мало тратят на пресловутую «холодную войну» против Советского Союза? Приводим вопрос Фуллеру и его ответ.

«**Вопрос.** Кто сейчас выигрывает холодную войну?

Ответ. Ее выигрывает Россия...»

Терминологию вопроса и ответа следует оставить на совести Фуллера и его интервьюера. Однако нельзя не отметить, что заявление английского генерала лишний раз констатирует провалы американской пропаганды войны.

С помощью каких же «идей» рекомендует генерал Фуллер американским империалистам «приступать к делу», т. е. к завоеванию мирового господства?

Увы, здесь английский реакционный «теоретик» с бравого генеральского тона сбивается на невнятное бормотание... Это и понятно! Нет и не может быть таких идей, которые «теоретики» умирающего империализма могли бы противопоставить идеям победоносного коммунизма. Не придумать тут ничего ни генералу Фуллеру, ни американским поклонникам его стратегических концепций.

В своем великом пророческом творении — «Коммунистическом Манифесте» — основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс обосновали и доказали неизбежную гибель капиталистического общества с его волчьими законами наживы и грабительскими войнами. «Старый» манифест коммунистов остается и поныне великой хартией, указывающей всем людям труда, изнывающим под гнетом капиталистической эксплуатации, путь к свободе, счастью и миру.

Что же касается «теоретических» потуг английского милитариста на страницах печатного органа американских монополий, то они свидетельствуют лишь о бессильной злобе и идейном банкротстве генерала Фуллера и ему подобных проповедников империалистической войны.

В АМЕРИКАНСКИХ ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ В КОРЕЕ

АМЕРИКАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ПАЛАЧ: — Убивайте как можно больше! Это лучший способ разрешения проблемы военнопленных...

Рисунок худ. Дилука из бельгийской газеты «Драпо руж»

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

ЧТО ТАКОЕ „ДЖОЙНТ"

Мастер паровозостроительного завода, читатель «Литературной газеты» тов. А. П. Торкаченко (Ворошиловград) обратился в редакцию со следующим письмом:

«В Вашей газете, № 11 от 24 января 1953 года, была напечатана статья английского журналиста Дерека Картэна «Факты о «Джойнте», в которой разоблачено подлинное лицо так называемой «благотворительной» сионистской организации «Джойнт», являющейся орудием американской разведки. Мне хотелось бы знать более подробно о деятельности «Джойнта».

Выполняя просьбу тов. А. Торкаченко, мы публикуем статью «Что такое «Джойнт».

В последнее время стали широко известны факты о подрывной деятельности «Джойнт дистрибьюшн комити» («Объединенный распределительный комитет»). Судебный процесс антигосударственного центра в Праге, сообщение ТАСС о разоблачении в СССР банды врачей-вредителей показали, что под маской благотворительной организации «помощи» евреям действуют сионистские шпионы и диверсанты, находящиеся на службе у американской разведки.

Сионизм — реакционная, буржуазно-националистическая идеология, зародившаяся в конце XIX века в ряде европейских стран. Проповедуя идеи еврейской «национальности», сионисты стремились отвлечь еврейских трудящихся от классовой борьбы, направить их внимание на иммиграцию в Палестину. Ныне центр международного сионистского движения находится в США. Сионисты демагогически претендуют на руководство всеми евреями независимо от их государственной принадлежности, превозносят «широкий» космополитический подход к «устаревшему» принципу национального суверенитета, объявляя его «узким», «отжившим» понятием. Американский империализм широко использует сионистов для проведения террористической и шпионской деятельности. Сионистские организации США тесными узами связаны с правящей верхушкой государства Израиль и капиталистами-сионистами в других буржуазных государствах. Они обладают обширной агентурой во многих странах. Сионистские шпионы и диверсанты действуют под прикрытием разнообразных «благотворительных», религиозных и «культурно-просветительных» организаций. Одной из таких организаций и является «Джойнт».

«Джойнт» был создан в США в 1914 году путем объединения трех ранее существовавших сионистских «благотворительных» организаций. Речь шла о сосредоточении в одних руках всех средств, предоставляемых капиталистами сионистскому движению. Руководители этого комитета сразу стали обладателями значительных сумм. Сборы средств в фонд «Джойнта» проводились ежегодно. В качестве главных «пожертвователей» выступали американские монополисты. Значительные взносы делал, к примеру, Джон Рокфеллер. К 1941 году, по официальным данным, доходы «Джойнта» составили 113 миллионов долларов.

Несколько лет назад, в конце 1946 года, в Атлантик-сити (США) состоялась конференция главарей сионистского движения. На этой конференции было решено резко активизировать деятельность сионистов, увеличить их денежные фонды. Только в течение одного 1948 года в распоряжение «Джойнта» было передано 64 миллиона долларов.

Как действует шпионская сеть «Джойнта»? Какие методы положены в основу его подрывной, террористической работы?

«Всеобщая еврейская энциклопедия», изданная в США, не скрывает, что «Джойнт» прежде всего стремится «использовать существующие местные европейские еврейские организации». В буржуазных государствах главной опорой «Джойнта» являются крупные сионисты-капиталисты. Кроме того, «Джойнт» пытается с помощью сионистской демагогии навербовать сторонников среди мелкой буржуазии, обмануть отсталые, несознательные элементы пролетариата.

«Джойнт» является орудием государственного департамента США, работает в прямом контакте с американскими дипломатами. В начале первой мировой войны посольство Соединенных Штатов в Петербурге помогало «Джойнту» вербовать агентов в России. Такую же поддержку оказали «Джойнту» американские официальные представители в Турции и балканских странах. Заметим, между прочим, что пост посла США в Константинополе тогда занимал ярый сионист Генри Моргентау.

В 1921 году руководитель АРА (Американская администрация помощи) Герберт Гувер пригласил к себе главарей «Джойнта». АРА, которая в действительности добивалась свержения советской власти, собиралась широко развернуть свою деятельность в России. Агентура «Джойнта» могла помочь Герберту Гуверу. И представители сионистского комитета поехали вместе с миссией АРА в Москву. «Джойнт» участвовал также в операциях АРА в Европе, его представители входили в Европейскую комиссию помощи АРА. Там работали две группы сотрудников «Джойнта», предварительно прошедших специальную подготовку. Они носили американскую военную форму и действовали от имени правительства Соединенных Штатов.

Когда миссия АРА была отозвана из России, «Джойнт» действовал через так называемый «Агро-Джойнт» — «Американскую еврейскую сельскохозяйственную корпорацию» до тех пор, пока эта деятельность не была запрещена на территории Советского Союза. И неспроста Герберт Гувер расхвалил «Агро-Джойнт», назвав эту корпорацию «потрясающей выдумкой». Как показали факты, агенты «Джойнта» ушли в подполье и продолжали вести подрывную работу.

В период между первой и второй мировыми войнами в ряде стран — во Франции, Голландии, Бельгии, Чехословакии, Польше, Швейцарии и многих других — создавались агентства, подчиненные «Джойнту». К 1939 году одно из крупных агентств — «Американ джойнт риконстракшн фаундейшн» — организационно объединило 687 кредитных еврейских кооперативов в Польше, Греции, Румынии, Литве, Чехословакии, Болгарии, Латвии и других странах с 191 тысячей членов. По данным «Всеобщей еврейской энциклопедии», в сентябре 1939 года «Джойнт» имел свою агентуру «в свыше чем 50 странах на четырех континентах». Машина, подготовленная сионистским комитетом, сохранилась и продолжала действовать во время второй мировой войны. Так, раввин Вильгельм Фильдерман, который с 1921 года был председателем румынской секции «Джойнта», весьма активно сотрудничал с гестапо, являлся одним из верных слуг фашистского диктатора Антонеску.

Активную диверсионно-шпионскую деятельность «Джойнт» проводил после окончания второй мировой войны в странах народной демократии. Эта деятельность была вскрыта на процессе Райка в Венгрии, процессе Сланского и его приспешников в Чехословакии. Агенты «Джойнта» занимались шпионажем, саботажем, темными валютными махинациями, спекуляцией и контрабандой. Бывший заместитель министра финансов Чехословакии предатель Фишл получал указания непосредственно от генерального секретаря пражского отделения «Джойнта» Генри Леви. С помощью врагов народа Сланского, бывшего заместителя министра внешней торговли Марголиуса и других «Джойнт» фактически руководил эмиграцией сионистской буржуазии из Чехословакии. В списки эмигрантов включались государственные преступники, враги демократического строя, которых «Джойнт» снабжал подложными документами. «Джойнт» организовал также нелегальный вывоз имущества сионистов, вплоть до крупного машинного оборудования, чем нанес ущерб народному хозяйству Чехословакии на многие миллиарды крон.

Враг народа Марголиус, повинуясь приказам американо-сионистской разведки, заключал вредительские внешнеторговые сделки, которые были направлены на обогащение сионистских эмигрантов. На темных валютных махинациях «Джойнт» наживал девять долларов на каждый доллар. Куда шли эти деньги? На дальнейшее развертывание шпионской, диверсионной и вредительской деятельности. Недаром в беседе с шпионом Орнштейном бывший атташе израильской миссии в Праге Феликс заявил, что Израиль всячески стремится сохранить легальное положение сионистских организаций, так как с их помощью можно выкачивать средства из Чехословакии.

Корни международного сионистского движения питаются обильными соками американских монополий. Заправилы сионизма, как правило, — крупные финансовые и промышленные магнаты США, активные политические деятели. Это в полной мере относится и к «Джойнту». Главари «Джойнта» одновременно являются руководителями Американо-еврейского комитета, принадлежат к числу богатейших семей в США.

Первым председателем «Джойнта» был ныне умерший Феликс Уорберг, один из представителей крупного банкирского дома «Кун, Леб и К°». Фирма «Кун и Леб» господствует в железнодорожном транспорте США. В настоящее время пост председателя «Джойнта» занимает сын Феликса Уорберга — Эдвард.

Председатель Американо-еврейского комитета и один из директоров «Джойнта» Джекоб Блауштейн — основатель американской нефтяной компании «Американ ойл компани», акционер и директор пан-американской нефтяной и транспортной компании, президент американской торговой и промышленной корпорации. В 1950 году Блауштейн посетил Израиль, где вел переговоры о предоставлении американским монополиям концессии на поиски и эксплуатацию нефтяных источников в Негеве и израильских территориальных водах.

Сионист Блауштейн был советником американской делегации на конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско в 1945 году. Он сыграл крупную роль в избрании Гарри Трумэна президентом США. Американский реакционный журнал «Тайм» называет Блауштейна одним из «добрых ангелов, финансировавших избирательную кампанию Трумэна» в 1948 году.

Одним из влиятельных лидеров «Джойнта» является крупный делец и политикан Герберт Лимэн. Партнер банковской фирмы «Лимэн бразерс», входящей в число двадцати самых богатых компаний Америки, он в 1932 году стал губернатором штата Нью-Йорк. Этот пост давал возможность Лимэну оказывать большое влияние на политическую жизнь страны. Он был губернатором в течение 10 лет. Впоследствии Лимэн работал в государственном департаменте США, в 1943 году возглавил ЮНРРА (Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций). Он всячески старался превратить эту организацию в орудие экономического и политического проникновения в страны, пострадавшие во время войны. Ныне Лимэн — сенатор США.

Наконец, в числе видных сионистских лидеров и главарей «Джойнта» необходимо назвать Генри Моргентау младшего — руководителя международной сионистской организации «Юнайтед джуиш эппил» («Объединенный еврейский призыв»). Подобно Лимэну, Моргентау — бизнесмен и политик. Он занимал пост министра финансов США. Напомним, что план широкого использования сионистских организаций для шпионской и иной подрывной деятельности в интересах Уолл-стрита в странах народной демократии носит название плана Ачесона — Моргентау. Он был принят в 1947 году на совещании Трумэна, Ачесона, Моргентау и израильских министров Бен-Гуриона и Шарета. После этого совещания Бен-Гурион разработал подробные директивы для сионистских шпионов и диверсантов. Летом 1950 года в печать проникли сообщения о том, что израильская правящая партия «Мапай» созвала в Тель-Авиве своих дипломатов, аккредитованных в различных государствах. Речь шла об усилении нелегальной деятельности сионистских агентов в странах народной демократии. О роли израильских дипломатов в этих гнусных делах свидетельствует преступное поведение бывшего посланника в Праге Кубовы, разоблаченного и высланного из Чехословакии.

Несколько раньше, в конце 1948 года, американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала заявление Моргентау, сделанное им после очередной поездки в государство Израиль. Моргентау утверждал, что Израиль должен стать «центром сопротивления коммунизму в бассейне Средиземного моря». Газета подчеркивала, что Моргентау провел две недели в Израиле, совещаясь с высокопоставленными официальными представителями государства. Заявление Моргентау было снабжено следующим заголовком: «Моргентау предвидит: Израиль станет врагом Советов».

Правители Израиля разжигают кампанию ненависти против Советского Союза, подстрекают к враждебным действиям против СССР. Эта кампания особенно усилилась после разоблачения гнусных дел «Джойнта» в СССР и ряде стран народной демократии. Как известно, девятого февраля на территории миссии СССР в Израиле злоумышленники при явном попустительстве полиции произвели взрыв бомбы. В результате этого злодейского террористического акта тяжело ранены жена посланника К. В. Ершова, жена сотрудника миссии А. П. Сысоева и сотрудник миссии И. Г. Гришин. Советское правительство в ноте от 11 февраля заявило о прекращении дипломатических отношений с правительством Израиля.

В советской ноте говорилось, что президент и министерство иностранных дел Израиля принесли извинения по поводу чудовищного преступления, совершенного против миссии СССР. Однако эти извинения являются, как подчеркивала советская нота, фальшивой игрой, попыткой замести следы совершенного против СССР преступления и уйти от ответственности за него. Взрыв бомбы на территории советской миссии в Израиле прямо связан со всей подрывной деятельностью, которую американо-израильская разведка ведет против Советского Союза.

Правящие круги Израиля, сионистские наемники Уолл-стрита Бен-Гурион, Шарет и другие безоговорочно поддерживают агрессивную политику США, рьяно выполняют самые провокационные, самые грязные задания поджигателей войны. Руководители Израиля получают от правительства США и американских сионистских организаций крупные денежные средства. Состоявшийся в январе этого года съезд Американо-еврейского комитета провозгласил: «В рамках американских интересов мы будем помогать Израилю». При поддержке правительства США сионисты уже в течение продолжительного времени занимаются сбором средств для Израиля. Широко известно, что «Юнайтед джуиш эппил» передала Бен-Гуриону 300 миллионов долларов. Интересно отметить, что в работе «Юнайтед джуиш эппил» принимает участие автомобильный магнат Генри Форд. На одном из заседаний местных руководителей этой организации в Лос-Анжелосе Форд заявил, что режим, «созданный в Израиле, достоин помощи со стороны всего мира».

Среди различных предприятий Уолл-стрита в Израиле прежде всего следует назвать акционерное общество «Палестайн экономик корпорейшн». Оно глубоко проникло в банковское дело, промышленность, сельское хозяйство страны, создало там ряд дочерних предприятий. Это общество было основано американскими капиталистами Зольдом, Лимэном и Лазаром. Особенно крупную роль в его создании сыграл банкирский дом Лимэнов. И самое непосредственное участие в этом деле принимал «Джойнт», предоставивший «Палестайн экономик корпорейшн» крупные денежные средства. Во главе этого акционерного общества стояли Генри Моргентау, советник государственного департамента Бенджамен Коэн и другие видные сионисты.

Биографии Уорбергов и Лимэнов, Блауштейнов и Моргентау типичны и для других заправил «Джойнта». Почетный председатель этого комитета Джеймс Розенберг — один из директоров «Палестайн экономик корпорейшн», член американской и нью-йоркской коллегии адвокатов, вице-председатель Гарольд Линдер — партнер банковской фирмы «Леб, Роадес и К°», председатель «Дженерал американ инвесторс энд К°». Другой вице-председатель Джеймс Беккер является крупным банкиром и т. д. и т. п.

Получается выразительная картина. Деятельность «Джойнта» переплетается с политикой государственного департамента, люди из «Джойнта» одновременно занимают крупные правительственные посты. Крупнейшие воротилы финансового и промышленного мира в США Рокфеллеры, фирма «Кун, Леб и К°», Уорберги, Лимэны, Форды верховодят в «Джойнте». Главари этого комитета тесно связаны также с банком «Диллон, Рид энд компани», который после первой мировой войны сыграл одну из главных ролей в возрождении германского милитаризма и способствовал приходу Гитлера к власти. Остается только добавить, что в «Джойнте» не в меньшей степени заинтересован и дом Моргана. Поистине нет такого грязного и подлого дела, в котором Дж. П. Морган и К° не приняли бы самого горячего участия! Одним из покровителей сионистских организаций является Томас Дж. Уотсон, председатель контролируемой Морганом компании «Интернейшнл бизнес машинз корпорейшн». Уотсон в 1937 году получил из рук Гитлера орден «За заслуги перед германской империей». Друг бесславно окончившего свою кровавую карьеру фюрера—он же друг сионистов—Уотсон принимал самое активное участие в избирательной кампании республиканской партии в истекшем году. И его заслуги в данном случае, надо полагать, ничуть не меньше, чем заслуги Блауштейна перед Трумэном.

Сионисты поддерживают политику, выгодную и угодную Уолл-стриту. Им по душе фашистские порядки, которые янки-империалисты пытаются насадить во многих странах. Они ненавидят Советский Союз, лагерь мира и демократии. Разоблачение сионистской шайки «Джойнта» — сокрушительный удар по планам и расчетам американских поджигателей войны.

ТАТРЫ ПРИНИМАЮТ ЖЕЛАННЫХ ГОСТЕЙ

«К станции Попрад, что в Высоких Татрах, — пишет чехословацкий журнал «Живот», — подходит поезд. Десятки пассажиров, главным образом крестьян, сошедших на перрон, с изумлением разглядывают невиданную ими раньше панораму снежных гор, вершины которых скрыты где-то за облаками. Это прибыла очередная группа отдыхающих в санатории — члены единых сельскохозяйственных кооперативов».

Никогда в прошлом простые крестьяне Чехословакии не могли даже мечтать о поездке на курорт, пользоваться богатыми лечебными источниками страны, которые славятся во всем мире.

«Подумать только, — рассказывает на страницах журнала член сельскохозяйственного кооператива из деревни Сухей Аугустин Дудек, — я, часто не имевший куска хлеба, сейчас благодаря правительству трудящихся могу провести свой отпуск в Татрах. И не только я, а сотни и тысячи наших крестьян бывают теперь в санаториях, где раньше наслаждались пресытившиеся богачи».

С гневом говорят крестьяне о предателях, врагах народа, которые хотели отнять у трудящихся Чехословакии их свободу, счастье новой жизни. Отдыхающий в Татрах крестьянин Аугустин Дудек пишет:

«Эти предатели покушались на свободу, которой мы добились. Но подлый замысел убийцы Сланского и его бандитов сорвался потому, что у нас открылись глаза и мы безмерно ценим то, что сейчас имеем. Наперекор всем врагам социализма, мы заявляем, что никогда не свернем с пути, который избрали».

Новая победа советского спорта

Не успели еще утихнуть в спортивном мире волнения, вызванные блестящей победой советских конькобежцев в Хельсинки, как из маленького норвежского города Лиллехаммера пришла новая радостная весть: звание чемпионки мира по конькам для женщин завоевала москвичка Халида Щеголеева. На втором месте — Римма Жукова, на третьем — Лидия Селихова.

Х. ЩЕГОЛЕЕВА

Четыре раза участвовали до этого советские спортсменки в розыгрыше первенства мира по конькам, и все четыре раза по окончании состязаний над стадионом торжественно звучал Гимн Советского Союза. Мы были уверены, что так случится и в пятый раз. Если у кого-нибудь и возникали кое-какие сомнения, то лишь по поводу того, кто именно из наших спортсменок будет увенчан лавровым венком чемпионки мира.

Победа 19-летней Халиды Щеголеевой, опередившей по сумме очков абсолютную чемпионку СССР Р. Жукову и чемпионку мира 1952 года Л. Селихову, была, пожалуй, для многих любителей конькобежного спорта несколько неожиданной. Ведь Щеголеева начала заниматься скоростным бегом на коньках только в январе 1951 года, когда имена Жуковой и Селиховой были уже известны всему спортивному миру.

Халида Щеголеева обладает исключительными природными способностями. Но объяснить ее блестящий успех только этим было бы неправильно. Главное состоит в том, что наша советская система физического воспитания представляет самые неограниченные возможности для спортивного совершенствования одаренной молодежи. Не случайно из числа женщин-конькобежцев в Норвегии, Швеции, Финляндии не выдвинулось за последние годы ни одной сколько-нибудь выдающейся спортсменки. Не случайно, например, на старт национальных женских чемпионатов таких «конькобежных» стран, как скандинавские, — редко когда выходит более десяти спортсменок. У нас же только состязания на первенство профсоюзов собрали в этом году до ста участниц. Показательно, что наряду с участием в первенстве мира в Хельсинки и Лиллехаммере Советский Союз направил почти равноценную команду конькобежцев еще и на студенческие игры в Вену.

Примечательно и другое. Несмотря на то, что победительницей первого официального розыгрыша мира по конькам для женщин в 1936 году была американка К. Клейн (правда, с очень низкими результатами), мы с тех пор что-то не встречали больше американских спортсменок на ледяных дорожках. Представители США не участвовали и в мужском розыгрыше первенства мира 1953 года. Очевидно, американцы не рискуют выступать в тех состязаниях, которые не сулят им верной победы. Этим, несомненно, объясняются и странные требования об отмене розыгрыша первенства мира по конькам для женщин, раздающиеся иногда за рубежом. Дай волю этим реакционерам от спорта, — они и вовсе запретили бы женщинам бегать на коньках. Но, к счастью, сие от них не зависит...

Сегодня мы шлем самые горячие поздравления Халиде Щеголеевой, Римме Жуковой, Лидии Селиховой и другим нашим спортсменкам, с честью пронесшим за рубежом знамя советского спорта!

М. ИСАКОВА,
трехкратная чемпионка мира по скоростному бегу на коньках

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08 69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00811.